

ЦЕНТР ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ
Национальной академии наук Украины
и Украинского общества охраны памятников истории и культуры

Л. А. Гриффен

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ

Киев – 2012

УДК 904(477):06.051(477)

ББК 30г

Г85

Центр памятниковедения Национальной академии наук Украины и
Украинского общества охраны памятников истории и культуры

Рекомендовано к печати Ученым советом Центра
памятниковедения НАН Украины и УООПИК
(протокол № 9 от 23 октября 2012 г.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Непомнящий А.А.

доктор исторических наук, профессор Ластовский В.В.

Г85 **Гриффен Л.А. Теоретические основания памятниковедения /**
Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К., 2012.
– 82 с.

ISBN 978-966-8999-48-2

Рассмотрены некоторые теоретические вопросы памятниковедения как научной дисциплины. В этом аспекте проанализированы проблема культурного наследия и артефакт как объект последнего, а также научный статус памятниковедения. Объект культурного наследия рассмотрен как источник семантической и аксиологической информации, и как фактор социализации индивида. Он представлен как явление дуалистическое, т.е. как памятник истории и памятник культуры. Предложены принципы классификации материальных объектов культурного наследия.

Издание рассчитано на исследователей в области теоретических проблем памятниковедения, сотрудников организаций, занятых охраной памятников истории и культуры, студентов и аспирантов в данной области науки, а также на всех тех, кто интересуется указанными проблемами.

УДК 904(477):06.051(477)

ББК 30г

ISBN 978-966-8999-48-2

© Центр памятковознавства
НАН Украины и УООПИК
© Гриффен Л.А.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Проблема культурного наследия.....	4
Артефакт как объект культурного наследия.....	9
Научный статус памятниковедения.....	15
Памятник как источник информации.....	20
Артефакт в социализации индивида.....	26
«Погружение в прошлое».....	32
Памятники истории или памятники культуры?	39
Дуализм объекта культурного наследия.....	45
Феномен памятников техники.....	52
Знаки – материальные объекты культурного наследия.....	58
Памятные знаки.....	66
Общие принципы классификации памятников.....	72

Проблема культурного наследия

Своим становлением как особой науки памятниковедение обязано росту в настоящее время общественного интереса к охране и сохранению историко-культурного наследия. Именно развитие памятникоохранной деятельности стало движущей силой интенсификации памятниковедческих исследований, а следовательно, и формирования основных принципов новой научной дисциплины, которая прежде всего должна служить надежной основой для выявления, сохранения и использования нашего культурного наследия. Однако ее методологические основы имеют также и вполне самостоятельное научное значение.

Памятниковедение – относительно молодая наука. Хотя некоторые положения, касающиеся памятниковедческих проблем, были высказаны достаточно давно, как отдельная наука памятниковедение фактически оформилось в последней трети XX в. Она быстро развивается, завоевывая свои позиции среди других наук, и имеет уже немалые достижения в решении как теоретических, так и практических задач касаясь нашего культурного достояния. Но все же она пока не вполне четко конституировалась в своем научном статусе. Памятниковедение достаточно уверенно определилось со своим объектом – культурным наследием, но нельзя сказать, что оно достигло такой же определенности относительно своего предмета.

Проблемы памятниковедения также тесно связаны с интенсивным развитием в последнее время музейного дела. Разумеется, интерес к собирательству существовал с давних времен. Уже в глубокой древности люди сохраняли то, что они считали ценностями, в том числе и создавая для этого специальные помещения-хранилища. «Но заметим, что это были именно хранилища, а не музеи в нашем понимании. Мы не имеем ни археологических, ни письменных свидетельств того, что в таких помещениях были расположены экспозиции для осмотра вещей»¹. Но дело даже не в том, что предметы, которые сберегались в этих хранилищах, не создавали экспозиций для осмотра, дело в том, какие предметы и с какой целью сохранялись.

А хранились предметы, которые имели для их владельцев определенную ценность (полезность) сами по себе (драгоценные металлы, украшения, оружие, произведения искусства и т.п.), т. е. сохранялись они *ради них самих* (ради их утилитарной функции), а не ради прошлых культурных достижений общества, в них воплощавшихся, а значит, они

¹ *Кенін Дмитро*. Музеєфікація об'єктів археологічної спадщини в Європі: на прикладі пам'яток первісної культури. – К., 2005. – С. 12.

не были памятниками истории и культуры в современном понимании. Так, в Древней Греции музей понимался как «сокровищница». Соответственно выделялись и типы собраний: глипотока (собрание скульптуры), дактилиотека (собрание камней и гемм), пинакотека (собрание картин)². Аналогичное положение было и в Древнем Риме³.

Заинтересованность предметами старины именно как свидетелями исторических процессов, как памятниками культуры прошлых времен появляется в Европе лишь со Средневековья, когда в первых трактатах по музейному делу музей определяется «коллекцией материалов и предметов старины, интересующих ученых людей и руководителей школ, предметов собранных, представленных и зарегистрированных в соответствии с научными методами»⁴. В этом случае указанные предметы в качестве музейных предметов впервые приобретают также особые, специфические функции памятников истории и культуры. Тому существуют весьма веские причины.

Психологически человек как личность всегда сознательно или подсознательно чувствует себя в определенной системе пространственных, временных и социальных координат. Только это дает ему возможность для самого себя определить: кто я? Такая система координат в каждый момент отображает то, что в этом отношении сложилось в мозгу человека, в его памяти на основе внешних воздействий в течение всей жизни. Однако память – вещь ограниченная и ненадежная. Поэтому всегда существовало стремление опереться на определенные материальные свидетельства, подтверждающие действительность принятых социально-исторических координат. И каждый человек в том или ином виде разыскивает, создает, собирает и хранит такие материальные свидетельства, являющиеся как бы определенными метками траектории его движения в пространственно-временном и социальном континууме. Вне таких «реперных точек» указанное пространство становится зыбким и неопределенным, вызывая чувство дискомфорта. Документы, вещи, с которыми связаны важные события, сувениры, фотографии и аналогичные объекты – все это создает определенную материальную опору в идеальном формировании указанных реперных точек, и, наконец, в определении своих личностных координат (а также траектории) в данном пространстве. Эти обстоятельства предопределяют склонность человека к тому, что можно было бы назвать собирательством.

² Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. – Харьков, 1919. – С. 3-9.

³ Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – М., 2003. – С. 31, 37.

⁴ Цит. по: Кепін Дмитро. Музеєфікація об'єктів археологічної спадщини в Європі. – С. 24.

Особенно существенным вышесказанное является относительно социального пространства, имеющего сложный и многомерный характер, обусловленный разветвленностью и разнообразием социальных связей. Таким социальное пространство является даже в личностном плане, когда речь идет о человеке как «суверенной личности». Однако в действительности индивид как личность никогда не бывает полностью «суверенным». Он всегда в той или иной степени входит в множество самых различных социальных образований, и к упомянутым «реперным точкам» личного бытия добавляются такие, которые позволяют ему ориентироваться в социальном и историческом пространстве как члену таких объединений, выступающему в тех или иных социальных ролях. Понятно, что здесь уже невозможно ограничиться личными реперными точками – социальная память требует соответствующих социальных институтов, функцией которых было бы выявление, исследование, сохранение и использование таких точек-«реперов». Результатом указанной социальной потребности и стало развитие памятникоохранной деятельности вообще, и памятниковедения как его теоретического фундамента в частности, направленных на сохранение и использование в упомянутых целях культурного наследия. Из этого следует, что выделение памятниковедения как особой научной дисциплины должно опираться на четкое представление того, что есть культура вообще и культурное наследие в частности.

Человек принципиально отличается от животного тем, что в его центральной нервной системе отсутствует еще изначально заложенная программа поведения. Такая программа полностью формируется в результате индивидуального опыта на основе сведений о свойствах окружающей среды, общественных связях, искусственно созданных человеком материальных образованиях, способах и целях их использования. В целом все это составляет *культуру* общества – то, что у человека пришло на смену инстинктивной программе функционирования у животных. Если животное в наследство получает готовую программу действий, в которой зафиксирована филогенетическая «история» вида, то человек рождается как «*tabula rasa*», и все, что делает его человеком, получено им от прошлых поколений через культуру, являющуюся «ненаследственной памятью человечества»⁵. Именно эта, произведенная предыдущими поколениями, «культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей,

⁵ Каган М.С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. – СПб., 2001. – С. 67.

всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества»⁶.

Итак, социальный опыт, составляющий основу функционирования человека, осмысливается как исторический продукт деятельности предыдущих поколений, который совместно с деятельностью, обеспечивающей его экстерииоризацию (опредмечивание) в определенном материале, сохранение, трансляцию во времени и пространстве фактически и представляет собой культуру. То есть культурой является социальный опыт и социальная память, его фиксирующая и сохраняющая, а также деятельность людей, связанная с сохранением, пополнением и передачей этого опыта⁷.

Таким образом, культура общества в своей целостности одновременно имеет две стороны, два воплощения: *материальное* и *идеальное*. Эти стороны взаимосвязаны и переходят друг в друга: материальное является опредмеченным идеальным, а идеальное — распредмеченным материальным. То есть в каждый данный момент искусственно созданные материальные образования, окружающие человека, являются с одной стороны *содержанием*, а с другой — *объективацией* его сознания. В последнее включаются сведения об окружающей среде (прежде всего с точки зрения взаимодействия с ней), о материальных объектах, имеющих в распоряжении общества, и способах их использования, о самом обществе и взаимоотношениях его составляющих — индивидов.

Учитывая это, культура общества, прежде всего являющаяся идеальным «наполнением» его членов, немислима вне ее воплощения в определенный комплекс материальных образований («вещей»). Созданная человеком совокупность последних входит составной частью в общественный организм, функционирование которого вне связи с данной его подсистемой невозможно. Однако сама по себе указанная совокупность «мертва». С одной стороны, вещь — «конкретно-исторический элемент культуры, созданный человеком для удовлетворения материально-

⁶ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. — С. 8.

⁷ Семенов Е. К. Дисциплинарный статус культурологии // Наука и ее место в культуре. — Новосибирск, 1990. — С. 99.

духовных потребностей, активно влияющий на организацию социальной жизни и воспитание личности». Но, с другой стороны, «вещи не имеют своего самостоятельного существования вне общества и культуры». В целом же «функции и роли, которые играют вещи в жизни людей, и составляют смысл бытия предметного мира, "второй природы"»⁸. А обеспечение функционирования как отдельных материальных образований (вещей), так и их совокупности требует от людей соответствующих знаний, умений, навыков и т.п., которые в этом смысле становятся идеальным «дополнением» материальных объектов, совокупность которых превращается в функционирующую подсистему социальной системы только через «человека умелого», «человека знающего», «человека действующего», в роли которого так или иначе выступает каждый член данной социальной системы.

Взаимное сочетание материальных и идеальных элементов культуры создает ту культурную среду, в которой существует каждый индивид и которая формирует его как личность. Именно культурная среда прививает человеку «любовь к родине и к человечеству, воспитывает его уважение к предкам и потомкам (забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем сохранении ценностей прошлого для будущих поколений) ... стабилизирует человека во времени, в историческом процессе и тем самым развивает его чувство ответственности перед собственным, прошлым и будущими поколениями. Чувство истории и ответственности каждого перед историей воспитывает в людях высшую форму социальности»⁹.

Когда мы рассматриваем определенные особенности функционирования материальных образований как элементов культуры, постоянно имеется в виду неразрывная связь «материального» и «духовного», невозможность их изолированного существования в качестве элементов культурной среды. Разделение же, в том числе и касаясь их как составляющих культурно-исторического наследия, имеет смысл только для анализа каждой из этих составляющих и является сугубо относительным. Что касается памятниковедения, то в качестве его основного объекта изучения – памятников истории и культуры – мы имеем в виду именно определенные материальные образования, представляющие собой материальную составляющую историко-культурного наследия, не упуская, конечно, из виду их тесной связи с идеальным.

⁸ *Миролюбова Л.П.* Вещная среда как феномен культуры. – Саратов, 1986. – С. 25, 38, 42.

⁹ *Лихачев Д.С.* Предисловие к кн.: Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). – М., 1981. – С. 9.

Артефакт как объект культурного наследия

Для того, чтобы объекты историко-культурного наследия, выступающие как памятники истории и культуры, могли стать предметом научного исследования, они должны быть тем или иным образом выделены среди многообразия существующих объектов реального мира. Попытки такого выделения, определения памятников истории и культуры как особого вида объектов, делались неоднократно. Обычно такие попытки в своей основе имели обобщение некоторых черт тех объектов, которые по тем или иным резонам признавались памятниками истории и культуры, т.е. в основном использовался индуктивный подход. Но сегодня памятниковедение достигло уровня развития, когда целесообразно было бы уже применить и подход дедуктивный. Представляется, что историко-культурное наследие как целостный и специфический объект памятниковедения может быть значительно успешнее определено путем его сопоставления с другими классами общественно-значимых объектов, чем перечислением сколько угодно обширной совокупности его элементов.

Таким образом, на совокупный объект исследования в памятниковедении стоит посмотреть как на *класс* определенных объектов, а не простое их *множество*. Однако при этом прежде всего следует исходить из реального бытия объектов историко-культурного наследия, из того, что любой такой памятник истории и культуры имеет свое физическое существование в предметном мире, то есть является *материальным образованием*. И если памятники истории и культуры в своей совокупности действительно составляют какой-то особый вид (класс) этих материальных образований, то задача состоит также в том, чтобы их выделить среди остальных по определенным признакам.

Как вообще можно было бы классифицировать материальные образования? Уже при первом взгляде на те материальные образования, с которыми сталкивается общественный человек, видно, что они естественно распадаются на две существенным образом отличающиеся группы. К первой из них относятся те, которые возникли в результате объективных природных процессов, независимых от человеческой деятельности, – *природные образования*. Ко второй же – обязанные своим существованием именно этой деятельности, превращающей предоставленный природой материал в сознательно созданные объекты – *артефакты*. Это разделение показано на схеме, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Материальный объект как памятник истории и культуры

Природные образования возникают вследствие естественных процессов соответственно действию «несознательных» сил природы, то есть вне какой бы то ни было внешней «целесообразности». Но у общественного человека «условием любого сознательного поступка является целеполагание. Именно в обеспечении целеполагающей творческой деятельности, направленной на преобразование мира и подчинение его интересам человека, общества,

состоит основной жизненный смысл и историческая необходимость возникновения и развития сознания, которое дает человеку способность правильно отражать действительность, предвидеть будущее и на этой основе «творить мир»¹⁰.

Материальные объекты, возникающие вследствие человеческой деятельности (артефакты), относительно их целесообразности можно разделить на три группы. К первой относятся те, которые являются объективным следствием функционирования человека как природного же существа в окружающей среде. Эта группа объектов (а тут, возможно, следовало бы говорить не столько о «новых» объектах, сколько об определенных изменениях в объектах природных) если не по форме (и по масштабам), то по существу не отличается от последствий функционирования вообще любого другого живого существа, то есть также возникает без осознанной цели. Вследствие «биологической» специфики и относительной непрочности эту группу объектов рассматривать как па-

¹⁰ Сапрыкин А.Г. Сознание и самосознание. – М., 1972. – С. 119.

мятники вряд ли целесообразно. Они, скорее, примыкают к первой (естественной) группе объектов.

Ко второй группе следует отнести те образования, которые возникли вследствие сознательных намерений человека создать те или иные материальные объекты, т.е. создаются они с определенной целью. Создаются они всегда как вещи, полезные для удовлетворения тех или иных человеческих потребностей, а потому их классификация уже внутри данной группы тесно связана с классификацией соответствующих потребностей. И, наконец, именно такой характер создания необходимых человеку объектов (объектов, которые прямо или косвенно удовлетворяют потребности человека) обуславливает появление еще одного вида образований, возникающих в результате функционирования человека не просто как биологического существа, а как элемента общества, занимающегося целесообразным производством вещей. Имеются в виду отходы производства, которые также возникают в результате целенаправленной деятельности, хотя и «вне цели» последней. Для общества они бесполезны, а нередко даже вредны, но их появление также является следствием его действий по созданию необходимых вещей. Поэтому именно в этих двух группах материальных объектов предметно фиксируется творческая, преобразующая деятельность общества, а значит, именно они как материальные образования отражают и фиксируют информацию о функционировании общества, что и является предпосылкой для их преобразования – при определенных условиях – в памятники истории и культуры.

Наиболее интересной с точки зрения их роли как такого рода памятников является вторая группа объектов, создаваемых общественным человеком для удовлетворения собственных (индивидуальных и общественных) потребностей. Фактически именно данные объекты в своей совокупности и составляют наше культурно-историческое наследие. Как уже было сказано, их виды (типы) можно выделить соответственно характеру потребностей, которые этими материальными образованиями удовлетворяются. Сегодня существует значительное количество различных видов классификации потребностей. Наибольшее распространение получила так называемая «пирамида Маслоу»¹¹.

Сущность его системы (сам А. Маслоу никакой «пирамиды» не сооружал, это было сделано позже его последователями) состоит в том, что базовые потребности, детерминирующие поведение личности, могут

¹¹ *Maslow A.H. Motivation and Personality. – New York, 1954.*

быть выстроены в определенной иерархии, в основе которой лежит удовлетворение физиологических потребностей человека. Все остальные «надстраиваются» над ними в виде пирамиды. Данная система, как построенная сугубо умозрительно, несмотря на свою популярность, вряд ли может быть достаточно успешно использована в практических целях, в том числе и для решения вопросов, связанных с проблемами памятниковедения. Для этих целей требуется такая система потребностей, которая отражала бы саму сущность человека.

Дело тут, прежде всего, в том, что в отличие от животного взаимодействие с окружающей средой человек осуществляет не как отдельный индивид, а как элемент структуры высшего порядка – *общества*, которое само представляет определенную целостность, взаимодействующую со средой именно в этом качестве. И сохранение этой целостности (*общественного* организма) так же, как и сохранение целостности отдельного *индивидуального* организма, требует своей, отдельной системы потребностей. Но и та, и другая система может существовать только в том же мозгу каждого человека. Таким образом, человек, в отличие от животного, имеет одновременно *две* системы потребностей, взаимодействующих между собой в рамках единого целого. Однако определение потребностей человека, их классификация – сама по себе достаточно сложная научная задача, входящая в состав важнейших задач обществоведения, и не может детально рассматриваться в рамках тех задач, которые стоят перед настоящей работой, поэтому отсылаем читателя к другой работе автора, где этот вопрос рассмотрен достаточно подробно¹².

Но, так или иначе, удовлетворение потребностей человека, связанных с его функционированием в природной и социальной среде, требует использования определенных материальных агентов. Уже само функционирование живого существа в окружающей среде является таким взаимодействием – с помощью тех или иных его органов. Но в ряде случаев этого оказывается недостаточно. Что касается животных, то в таких случаях они дополнительно образуют определенные материальные структуры (от паутины до бобровой плотины), предназначенные для повышения эффективности упомянутого взаимодействия – то, что можно было бы назвать элементами «прототехники». У человека этот момент получил весьма существенное развитие в виде *техники*, являющейся уже качественно иным явлением.

¹² Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). Изд. 2-е. – К., 2005. – С. 182-199.

С целью взаимодействия с окружающей средой общество создает определенную систему материальных образований – *технических устройств*. Предназначенные для такого взаимодействия технические устройства в комплексе образуют некоторую *техносферу*, расположенную между обществом и окружающей средой. Через нее, собственно, и осуществляется взаимодействие между ними. Данные устройства составляют важный вид материальных образований, в конечном счете предназначенных для удовлетворения потребностей человека, и классифицироваться они могут в соответствии с их ролью в этом процессе. Соответствующие артефакты прошлого составляют памятники техники – весьма важный вид нашего культурного наследия¹³.

Однако общество как целое состоит из достаточно сложных и относительно самостоятельных элементов-индивидов (а также частных объединений индивидов – социальных подсистем). А обеспечить целостность общества можно только за счет разнообразных связей между его элементами-индивидами (как и между упомянутыми подсистемами). Несмотря на их конкретное разнообразие, в принципе существуют только два фундаментальных вида связи между элементами системы: *материальный* (вещественный и энергетический) и *информационный*. На первых этапах развития общества для осуществления этих связей было достаточно биологических возможностей его членов. По мере своего расширения и развития для повышения эффективности связей человечество все шире применяет систему материальных агентов, искусственно созданных человеком с этой целью. Соответственно видам связи таких искусственно созданных материальных образований, обладающих определенной общественной ценностью, в этой области тоже может быть *два и только два вида* – те, которые обеспечивают материальную и информационную связь внутри общества: а) технические устройства и б) знаки. Например, известный польский и французский историк и философ К. Помиан утверждал, что «чтобы группа или индивид могли приписать предмету некоторую ценность, необходимо и достаточно, чтобы данный предмет был полезен или наделен значением. Предметы, которые не удовлетворяют ни одному из этих условий, лишены ценности; собственно это уже не предметы, а отбросы»¹⁴. Предметы этих двух видов вместе составляют вторую группу артефактов, образующих памятники истории и культуры. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже.

¹³ Гриффен Л.А., Константинов В.А., Тутова Е.Н. Памятники техники. – К., 2011.

¹⁴ Pomian K. Zbieracze i osobliwości. Paryż-Wenecja XVI-XVIII wiek. – Warszawa, 1996. – s. 45).

Таким образом, технические устройства, обеспечивающие взаимодействие общества с окружающей средой с одной стороны (по отношению к нему направленные наружу, т.е. *экстравертные* артефакты), и *технические устройства* (устройства транспорта и связи), а также *знаки*, обслуживающие связи между составляющими внутри общества (*интравертные* артефакты) с другой стороны, (как и *технологические отходы* без которых не обходится производство ни тех, ни других), как раз и составляют в целом тот комплекс материальных образований, которые исчерпывающе отражают общество как в статическом, так и в динамическом состоянии. Следовательно, *именно они и только они* могут претендовать на статус памятников истории и культуры.

Итак, если не считать отходов производства, можно сказать, что в принципе вообще существует только два вида артефактов: *технические устройства* и *знаки*. В свою очередь технические устройства, как мы видели, представлены двумя их видами: материальными агентами, обеспечивающими связь и взаимодействие общества с окружающей средой, и материальными же агентами, обеспечивающими взаимодействие внутри общества между его элементами. Технические устройства создаются ради их *технологических функций*. Что касается знаков, то они являются определенными материальными образованиями, которым придано некоторое *значение*. При этом технические устройства и знаки как артефакты не разделены между собой жесткой перегородкой, они определенным образом взаимно проникают и переходят друг в друга. Не говоря уже о том, что для передачи информации (сигналов) также используются технические устройства. Да и сами знаки с точки зрения их конструкции и функционирования могут быть достаточно сложными техническими устройствами.

Любой из таких артефактов *может* стать памятником истории и культуры. Но вовсе не любой из них им становится. Чтобы он им стал, необходимо еще выполнение некоторых условий. Будучи материальным (вещественным) образованием, каждый из них, как было отмечено, изначально предназначен для движения либо материальных потоков, либо информации, то есть для выполнения определенных «технологических» функций. Но вышеизложенное касается только, так сказать, «действующих» артефактов. Чтобы превратиться в памятники истории и культуры, материальные образования любых видов должны быть определенным образом *изъяты* из их утилитарной функции (т.е. технологических функций по связи с окружающей средой, движению материальных потоков или передаче информации внутри социума). Даже если такое изъятие происходит и не в полной мере, все же на первый план (по крайней мере

для нас) в этом случае выдвигаются дополнительные (потенциальные) свойства артефактов, а именно их *способность отражения породившего их общества*. Благодаря наличию этой способности, не переставая, конечно, быть тем, чем и было раньше (т.е. техническим устройством или знаком), данное материальное образование теперь приобретает новую функцию – функцию *информационного посредника* между прошлым и современностью. Неся определенную информацию об обществе, его породившем, данный артефакт становится *историческим источником* или *памятником истории и культуры*.

Артефакт, дошедший к нам из прошлого, является источником сведений об этом прошлом, позволяющих его воспроизвести. Для периода истории, когда еще не существовало письменности (то есть для бóльшей части истории человечества) вообще только соответствующие материальные образования и могут дать необходимые исторические сведения. Но получение последних – сложный и противоречивый процесс, требующий специальных знаний и приемов исследования. Специально с целью получения от данного артефакта как исторического источника максимально полной и достоверной исторической информации этими проблемами занимается вспомогательная историческая дисциплина – *источниковедение*. Считается, что цель источниковедения как науки – найти способ получения от данного артефакта как исторического источника максимально полную и достоверную историческую информацию¹⁵. Эта информация должна пополнить исторический тезаурус, по возможности заполнить существующие белые пятна. Именно с этой точки зрения выполняется исследование того или иного исторического артефакта. Это касается также археологии. В этом случае научное исследование того или иного исторического артефакта выполняется именно с данной точки зрения.

Научный статус памятниковедения

Вот тут-то и возникает вопрос о научном статусе памятниковедения. Ведь если источниковедение обеспечивает научный подход к сохранившимся от прошлого артефактам, позволяя получить от них всю возможную историческую информацию, то какая в таком случае роль остается памятниковедению? Конечно, кроме собственно исследова-

¹⁵ См., напр.: Введение в специальные исторические дисциплины. – М., 1990. – С. 3-4.

ний можно говорить о выявлении таких артефактов, их хранении и т.п., но это вовсе не оправдывает существование некой новой науки о тех же самых объектах (артефактах прошлого), *используемых с той же целью, т. е. для получения исторической информации*. Тем более, что аналогичные вопросы решаются также в рамках других исторических дисциплин (в той же археологии).

Одно из первых обоснований памятниковедения как отдельной науки попытался дать П. В. Боярский в статье «Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы)»¹⁶. Основные положения, изложенные в данной статье, были затем развиты автором в его монографии¹⁷. С тех пор к вопросу о теоретических и методологических проблемах памятниковедения обращались различные исследователи, в основном развивавшие и уточнявшие положения, аналогичные предложенным П. В. Боярским.

А согласно точке зрения последнего относительно артефактов прошлого основой памятниковедческого метода является «комплексный анализ и междисциплинарные исследования этих объектов с целью получения конкретных данных, необходимых для установления их научного, культурного, художественного, воспитательного и другого значения, особенностей функционирования и взаимодействия с окружающей природной и антропогенной средой с целью эффективного управления охраной и сохранением историко-культурного наследия»¹⁸.

И дальше считается, что памятниковедение «комплексно изучает различные элементы историко-культурного наследия (памятники истории и культуры) в их неразрывном единстве как части окружающей природной и культурной среды, теоретически обобщает их место и роль в общем культурно-историческом процессе, существующий опыт их исследования и сохранения в контексте их оптимальной интеграции в современную и будущую систему общества как сложного социального комплекса. Памятниковедение — специальная научная дисциплина, предметом которой является всестороннее исследование, охрана, сохранение и популяризация памятников истории и культуры как составляющей национального и всемирного культурного наследия»¹⁹.

¹⁶Боярский П.В. Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы). – Памятниковедение: Теория, методология, практика. – М., 1986.

¹⁷Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – М., 1990.

¹⁸Там же. – С. 41.

¹⁹Кот С. Теоретичні проблеми пам'яткознавства. – Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика. – К., 2007. – С. 7-64.

Но если вопросами «добычи» информации из артефактов прошлого уже занимается источниковедение, то где здесь место для еще одной науки? Специалистов в области памятниковедения этот вопрос беспокоил с самого начала конституирования последнего в виде отдельной научной дисциплины, и они так или иначе пытались решить указанную дилемму. Так, по утверждению того же П. В. Боярского, «предметом исследования в области памятниковедения является информация, заключенная в памятниках истории и культуры. Задачами памятниковедения являются: разработка собственных теоретико-методологических принципов, позволяющих изучить степень адекватности памятников исторической действительности; выработка методов выявления, отбора, изучения, оценки значимости и взаимосвязей содержащейся в них информации, методов целенаправленного использования информации в учебных и воспитательных целях, разработка теоретических основ комплексного сохранения историко-культурной и природной среды»²⁰. Но все сказанное в не меньшей степени касается и источниковедения.

«В чем же тогда отличие памятниковедения от источниковедения?» – задает вопрос автор и отвечает: «В источниковедении применение учения об информации выдвигает требование подхода к историческому источнику как продукту функционирования системы: объект-информация-специалист (где под объектом понимается тот или иной первоисточник наших знаний о прошлом). Но памятники обладают не только чисто научной ценностью. Они несут в себе воспитательные, общеобразовательные, эстетические функции»²¹. Поэтому «для раскрытия субъекту (зрителю) исторической, эстетической, научной информации, заключенной в памятнике, необходимо рассматривать подход к памятнику как продукту более сложной системы, чем это принято в источниковедении, которую схематично можно изобразить так: объект-информация-специалист-зритель»²².

Однако вряд ли можно согласиться с предложенными «функциональными схемами», объясняющими различия между источниковедением и памятниковедением. Даже использование источника исторических сведений, если оно замыкается на специалисте, нельзя считать полным. Только доведение полученной информации до широкой общественности (разумеется, в существенно обработанном, «снятом» виде), введение ее в

²⁰ Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – С. 41.

²¹ Там же. – С. 39.

²² Там же. – С. 40.

широкое обращение, превращение в один из факторов функционирования общества может считаться выполнением задачи истории как науки.

Вот только здесь конечным субъектом восприятия информации является скорее «слушатель», чем «зритель». Иными словами, в самом процессе восприятия полученной исторической информации общественностью в принципе наличие первичного источника не является необходимым (хотя известно, что и в этом случае визуальная информация способствует лучшему восприятию исторических сведений, представленных в вербальном изложении). С другой стороны, само по себе зрительное восприятие памятника истории и культуры также не решает задачу, оно должно, как правило, иметь вербальное сопровождение. Так что по упомянутой «функциональной схеме» различие между историческим источником и памятником истории и культуры вряд ли можно признать существенным. А историческими источниками, в которых как раз и зафиксирована информация об исторических событиях и культуре прошлого, как мы видели, занимается источниковедение – комплексная историческая специальная дисциплина, которая «изучает закономерности образования исторических источников и отражения ими реального исторического процесса, структуру и свойства содержащейся в них информации, определяет принципы систематизации источников и классифицирует их, разрабатывает методику исторического исследования»²³. Чего же еще?

Получить информацию о людях прошлого, исторических событиях, обществе в целом можно, лишь опираясь на исторические источники. Эту информацию несут объекты культуры своего времени, включающие наглядные, материально существующие результаты деятельности людей – орудия, оружие, произведения искусства, т. е. весь предметный, вещный мир, создаваемый людьми в процессе их целенаправленной, осмысленной деятельности. Именно они являются источниками исторических знаний. Все они создаются определенными людьми в определенных условиях и с определенной целью. Поскольку объекты культуры создают люди, преследующие при их создании конкретные практические цели, эти объекты содержат в себе не только соответствующую прагматическую функцию, но и особую информацию о людях, создавших их, их потенциях и возможностях, также как и о тогдашних условиях, в том числе о тех типах общественных организаций, человеческих сообществах и обществе в целом, в которых указанные цели ставились и реализовались. Поэтому, изучая такие объекты, можно многое узнать как о людях, создавших их, так и об условиях их создания.

²³ БСЭ, т. 10. – М., 1972. – С. 581.

Соответственно для источниковедения как науки объектом исследования являются созданные людьми прошлого памятники культуры своего времени. В источниковедении их принято разделять на *вещи, изображения и письменные документы*. Эти произведения (исторические источники всех типов, видов и форм фиксации) представлены в материальной форме. Совокупность произведений, рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, и является предметом источниковедения. Следует, однако, отметить, что декларируя равноправие всех видов исторических источников, источниковедение с самого своего становления отдает приоритет источникам письменным. Тем не менее, это не меняет того положения, что все же источниковедение свои методы и цели распространяет на все типы источников, в том числе и источники вещественные. Как и во всех других случаях, и здесь источниковедение применяет свои методы анализа, целью которого является определение подлинности источника (внешняя критика) и выяснение достоверности сведений, которые оно содержит (внутренняя критика). Отрабатывая методы изучения и интерпретации источников в теоретическом плане, в прикладном источниковедении занимается такими проблемами, возникающими при работе с историческими источниками, как установление времени, места создания источника, его автора, реконструкция источника и т.п. В результате источниковедение помогает устанавливать подлинные исторические факты, лежащие в основу любых исторических исследований. Таким образом, оно *в полном объеме* выполняет все то, что нужно для изучения и использования материальных свидетельств прошлых событий, и в этом отношении никакой необходимости в иной науке не просматривается.

Однако в приведенных выше высказываниях относительно памятников истории и культуры упоминается еще один вид информации, не учитывавшийся при рассмотрении информации от артефакта как исторического источника – эстетическая информация. Правда, их автор не определяет, что он подразумевает под этим видом информации. В эстетике под эстетическим (в положительном смысле) понимается прекрасное. Может ли быть носителем эстетической информации (в этом смысле) ржавый винтовочный ствол времен Великой Отечественной войны, выставленный на музейном стенде? Сомнительно. Но с точки зрения автора «при изучении эмоционально-художественного, эстетического воздействия памятника на зрителя возможно рассмотрение памятника как продукта функционирования системы: объект-информация-зритель»²⁴.

²⁴ Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – С. 40.

Иными словами, речь уже идет не только об эстетической, но и «эмоционально-художественной» информации, поступающей от объекта к зрителю. Так, упомянутый ржавый ствол действительно может вызвать у последнего эмоциональную реакцию, однако никак не «эмоционально-художественную» (ибо это не произведение искусства, которое только и может вызвать соответствующее отношение).

Но, так или иначе, в конечном итоге оказывается, что собственно некий особый вид информации, поступающей от объекта к субъекту (если объект – памятник истории и культуры) как раз и отличает данный случай от получения информации от объекта-исторического источника. Будучи отличным, он также иначе и используется. Но тогда именно этот особый вид информации и является характерным для памятников истории и культуры, и, соответственно, он-то, казалось бы, и должен стать главным и специфическим предметом исследования в памятниковедении. Однако этого как раз пока и не происходит. Конечно, всегда, когда речь идет о памятниках истории и культуры, упоминается, скажем, их воспитательная роль. Но основное внимание все же уделяется тому, что составляет предмет источниковедения, то есть упомянутым выше «степени адекватности памятников исторической действительности», «выработке методов выявления, отбора, изучения, оценки значимости и взаимосвязей информации», содержащейся в них, их хранению и тому подобное. Попробуем рассмотреть вопрос о памятнике истории и культуры в несколько ином аспекте.

Памятник как источник информации

Для определения специфических особенностей материальных объектов как памятников истории и культуры обратимся к характеру получаемой от них информации. Однако посмотрим сначала, что вообще представляет собой информация, циркулирующая в обществе. Прежде всего, информация, передаваемая между членами общества посредством тех или иных средств, обеспечивает согласованность их действий при общем использовании нужного для этих действий объема знаний, превращая полученные отдельными индивидами знания в общее достояние. И если технические устройства образуют для общества окружающую его техносферу, то материальные носители информации в своей совокупности фиксируют интеллектуальное достояние человечества, представляя материальную составляющую, совместно и во взаимодействии с идеальной составляющей создающую для общества определенную «ноосферу».

Однако информационные связи между членами общества не ограничиваются только передачей прагматической информации. Еще «в материальной культуре человека древнекаменного века выделяется группа изделий, изготовление которых не оказывает непосредственного воздействия на удовлетворение насущных материальных потребностей. Это, прежде всего, украшения различного рода, материалы для раскрашивания, произведения искусства. В некоторых памятниках их объем значителен и требовал немалых трудовых затрат на их изготовление. К непрямому трудовым затратам относятся действия различного рода. В этом плане можно рассматривать и избыточную с утилитарной точки зрения архитектуру некоторых сооружений из костей мамонта»²⁵. Возможно, наиболее впечатляющей такая «избыточность» в дальнейшем оказалась в египетских пирамидах. Но «чрезмерное с утилитарной точки зрения», т. е. с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей, может быть весьма необходимым с точки зрения удовлетворения потребностей социальных. Свои социальные функции указанные объекты тоже выполняют за счет передачи через них между членами общества информации, отличающейся, однако, от информации сугубо прагматичной.

Существование общества как определенной целостности обеспечивается совместными действиями его элементов – людей. А для этого люди должны *знать*, как действовать в той или иной ситуации, и *хотеть* это делать. Решение индивидами указанных задач невозможно без получения сведений из окружающей среды и взаимного обмена информацией. Их переработка и предоставляет возможности для соответствующей деятельности. Но полученные данные сами по себе еще не приводят к действию. Они являются лишь результатом идеального «проигрывания» вариантов, доведение их до логических следствий, становящихся программой действия, а иногда составляющих часть оснований для *эмоциональной оценки*. Но именно последняя становится причиной императивного импульса к действию, направленного по одной из программ в сторону «эмоционального максимума». Стендаль в свое время формулировал это так: «Человек не волен не делать того, что доставляет ему большее наслаждение чем все другие возможные действия»²⁶.

Итак, чтобы совместные действия были успешными, необходима взаимная информация о целях, возможностях, планах действий, передача

²⁵ Гладких М.И. Историческая интерпретация позднего палеолита (По материалам территории Украины). Автореф. дис. д.и.н. - Л., 1991. – С. 42.

²⁶ Стендаль. Соч., т.4. – М., 1959. – С. 373.

сведений о свойствах предметов и явлений, на которые эти действия направлены. Такая – *семантическая* – информация между членами общества дает основания для формирования *программы* действий. Нередко ситуация представляет возможность даже для ряда различных, а иногда и взаимоисключающих действий, причем для каждого из них может быть сформирована соответствующая программа. Возникает проблема выбора. Но возможна и ситуация, при которой для необходимого действия сформировать полностью удовлетворительную программу оказывается практически невозможным. Вопрос заключается в том, как в таких случаях может быть реализовано действие.

В результате только в немногих случаях связь между данными о ситуации и действиями включается автоматически – в тех случаях, когда это жестко обусловлено системой «стимул-реакция». Преимущественно же импульсом, побуждающим мотивом к определенному действию являются *эмоции*, основанные на другом типе информации – информации *аксиологической*. Ее взаимная передача между индивидами должна обеспечить также необходимую для общества направленность совместных действий, тех действий, которые в итоге обеспечивали бы сохранение и развитие общества независимо от частных целей и намерений отдельных людей и их групп. Если семантическая информация базируется на оценке прагматических свойств объектов (*полезность*), то аксиологическая – на их *ценностных* свойствах.

Сразу следует отметить, что в данном применении значение понятия «ценность» несколько сужено по сравнению с обычно принятым в аксиологии²⁷, где оно включает практически все прагматические характеристики объектов (в том числе и полезность). Проблема ценности тем самым приобретает характер разгадки всего и вся и считается областью особого, вненаучного исследования, своеобразным способом видения мира²⁸. В данном же контексте под полезностью и ценностью понимаются свойства объектов, оценка которых (отношение к которым) базируется на информации различного характера. В первом случае она подвергается рационально-логической обработке, в результате чего вырабатывается конкретная *программа действий*. Во втором – строго детерминированная обработка информации (из-за ее сложности, неполноты, вероятностно-статистического характера и т. п.) не представляется возможной и последняя используется для выработки *стимула к действию*, «указывающего» общее направление действия, выступая эмоциональным побуждением к нему.

²⁷ См., напр. Ильин В.В. Аксиология. – М., 2005. – 216 с.

²⁸ Аксиология. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М., 1981.

Когда ситуация не позволяет однозначно определить необходимый и достаточный для удовлетворения потребности набор действий, возникает противоречие: действие должно быть совершено (этого требует потребность), но в то же время его характер не может быть четко определен. Здесь и вступает в действие своеобразный механизм компенсации – *эмоция*, которая «представляет реакцию, включающую непосредственную, можно сказать, инстинктивную, положительную или отрицательную оценку тех или иных объектов или процессов объективной действительности»²⁹. В этом качестве эмоция побуждает действовать по одному из реально возможных путей, несмотря на то, что он непосредственно не замыкается на цели (вследствие «логического» разрыва, неполноты информации об условиях успешного действия). С этой точки зрения эмоция может быть определена как «компенсаторный механизм, восполняющий дефицит информации (семантической – авт.), необходимой для достижения цели (удовлетворения потребностей)» и является системой оценок, «которая, оставляя в стороне многие другие свойства предмета, давала бы предварительный ответ на вопрос: полезен предмет или вреден»³⁰.

Разумеется, такое разделение информации имеет достаточно условный характер, поскольку в реальности получаемая информация содержит обе составляющие. И вообще при исследовании рационального и эмоционального мы имеем дело со своеобразным «принципом дополнительности». Рационально-логическая характеристика и характеристика с помощью, если можно так выразиться, «социальных» эмоций, будучи разными по функциям, исключают, но одновременно, будучи характеристиками одного и того же объекта, предусматривают, обуславливают и «дополняют» друг друга. Они находятся в разных плоскостях нашего отношения к миру, плоскости эти не совпадают, но пересекаются, и на линии их пересечения лежит действие, носящее общественно-значимый характер.

В зависимости от конкретных обстоятельств соотношение рационального и эмоционального может быть различным. При точном знании пути наружу выступает «разумный» характер действий, при сильных побудительных мотивах даже значительная неопределенность не может сдерживать действия, при этом оно может даже приобретать характер аффекта. И. П. Павлов, рассматривая этот вопрос, делал следующий вывод: «Таким образом имеется два способа действия. После так сказать

²⁹ Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960. – С.155.

³⁰ Симонов П.В. Что такое эмоция. – М., 1966. – С. 36, 23.

предварительного обследования (пусть происходящего почти мгновенно) данной тенденции большими полушариями и превращения ее в должной степени в подходящий момент в соответствующий двигательный акт или поведение – разумное действие, и действие (может быть, даже прямо через подкорковые связи) под влиянием только тенденции без конкретного контроля – аффективное, страстное действие»³¹.

Но еще более важное значение, чем непосредственное воздействие на конкретный поведенческий акт, эмоции имеют в выработке общего отношения человека к тем или иным жизненным реалиям. «Эмоция, – говорил И. П. Павлов, – это то, что направляет вашу деятельность, вашу жизнь – это эмоция»³². Даже сама рациональная мыслительная активность во многом зависит от эмоций: как справедливо указывал К. А. Гельвеций, «ум остается бездействующим, пока страсти не приведут его в движение»³³.

Особую роль в жизни человека играют «социальные» эмоции, связанные с тем, что он – существо общественное, прежде всего эмоции *эстетические*. Последние в значительной мере формируют социальные установки человека, и здесь очень важную роль играет искусство. По словам Л. Н. Толстого, «все, что теперь, независимо от страха насилия и наказания, делает возможно совокупную жизнь людей (а в наше время уже огромная доля порядка жизни основана на этом) все это сделано искусством. ... И это соблюдается поколениями миллионов людей не только без малейшего насилия, но так, что это ничем нельзя поколебать, кроме того как искусством»³⁴.

Для передачи информации используются различные средства и материальные носители. Прежде всего, при передаче обоих видов информации между членами общества используется язык, а также коммуникационные средства невербального характера (например, жесты). Это могут быть также предметы искусства или объекты, которые, имея определенное практическое назначение, в то же время также являются «знаком чего-то другого (власти, святости, благородства, силы, богатства, мудрости и тому подобное)»³⁵. Вообще «каждый элемент внешней среды как социокультурного явления имеет определенное значение для человека. ... Причем функции вещи и ее значение не тождественны»³⁶. Наконец, в определен-

³¹ Павлов И.П. Двадцатилетний опыт. – М., 1951. – С. 376.

³² Павловские клинические среды, ч. 1. – М., 1954. – С. 140.

³³ Гельвеций К.А. Об уме. – М., 1938. – С. 263.

³⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч., т. 30. – С. 194-195.

³⁵ Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 198. – Тарту, 1967. – С. 34.

³⁶ Миролубова Л.Р. Вещная среда как феномен культуры. – Саратов, 1986. – С. 47.

ных условиях практически каждый созданный (или использованный) человеком материальный предмет может играть две «социальные» роли – технологического агента и носителя того или иного вида информации.

Например, это может быть техническое устройство, которое, кроме присущей ему технологической функции, в большей или меньшей степени воплощает в себе самую разнообразную информацию – о научных и технологических достижениях своего времени, о некоторых особенностях современного ему технического мышления, о личности того, кто его создал или использовал, и, наконец, об определенных характеристиках соответствующих социальных групп или общества в целом. Но прежде всего функция передачи информации касается специализированных в отношении нее материальных образований – *знаков*. Уже в глубокой древности они применялись людьми как для обмена сведениями, так и для того, чтобы вызвать у воспринимающих определенное впечатление, определенное эмоциональное отношение, воздействуя таким образом на их актуальное или потенциальное поведение.

Если бы объект историко-культурного наследия интересовал нас только с точки зрения возможности выполнения им тех или иных технологических функций в качестве технического устройства или знака, он по сути дела ничем, кроме возраста, не отличался бы от аналогичных материальных образований нашего времени. Но от артефактов, дошедших к нам из прошлого, нам сегодня чаще всего вовсе не обязательно требуется выполнение ими тех основных функций, ради которых они были созданы; они интересуют нас, прежде всего, как свидетели прошлого состояния общества, т. е. как источники исторических сведений и памятники истории и культуры. И здесь опять следует вернуться к вопросу о различении компетенции источниковедения и памятниковедения. Исторические артефакты воспринимаются этими науками как носители *различного вида информации*: исторический источник, прежде всего, используется для получения семантической информации о прошлом, по отношению же к памятнику истории и культуры (даже если это тот же самый предмет) на первый план выходит информация аксиологическая.

Итак, как памятники мы воспринимаем те утилитарные (т.е. предназначенные для определенной цели) материальные образования, которые, даже будучи выведенными из практического использования как таковые, сохраняют в себе зримые черты культуры прошлого. Именно в этом качестве подобные материальные объекты становятся предметом памятниковедения, которое фактически исследует распределение общественного сознания, опредмеченного предками в этих

объектах. Такое распредмечивание осуществляется по отношению к любым памятникам истории и культуры, в которых в свое время была опредмечена культура того или иного прошлого исторического периода. Общие проблемы распредмечивания культурного содержания того или иного памятника, их вида или группы и включение полученной информации в общий культурный контекст современности и в представления о генеральной линии общественного развития составляют одну из главных задач памятниковедения как науки. В решении данной задачи никакие другие научные дисциплины заменить данную науку не могут.

Вопрос заключается в том, каким образом происходит такое включение прошлого в современность. Если получение исчерпывающих сведений о прошлом для сохранившихся с древних времен артефактов в качестве памятников истории и культуры (в отличие от их использования как исторических источников) не является определяющим, то какую же роль они играют в жизни человека и общества? Эта роль главным образом заключается в выполнении определенных функций в таком важнейшем для общества процессе, как *социализация индивида.*

Артефакт в социализации индивида

В широком смысле под социализацией понимается процесс включения индивида в систему общественных отношений³⁷. Социализация – процесс становления личности, ее обучение, воспитание и усвоение социальных норм, ценностей, установок, образцов поведения, присущих данному обществу. С помощью социализации, через усвоение им соответствующих элементов культуры, норм и ценностей индивид интегрируется в общество вообще, и в различные типы социальных общностей в частности. Происходит это через *социальную идентификацию*, то есть осознание своей принадлежности к данной общности. При этом осуществляется процесс интериоризации – процесс включения социальных ролей во внутренний мир человека. В результате складывается система внутренних регуляторов поведения личности, что обеспечивает соответствие поведения индивида заданным со стороны общественной системы образцам и установкам (даже если это иногда выражается в противодействии им – негативизме). В результате социализации формируются различные общественные потребности, ценностные ориентации и установки. Социализация реализуется в социальной реакции человека в системе конкретных общественных отношений.

³⁷ Мудрик А.В. Социализация человека: учебное пособие. – М., 2004. – 304 с.

С самого начала становления человека как личности осуществляется усвоение им норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, которые характерны для его ближайшего окружения. Это усвоение происходит, как правило, на неосознанном уровне с помощью отражения, некритического восприятия господствующих стереотипов. Это первичная социализация, происходящая в сфере межличностных отношений в малых группах. Вторичная социализация происходит на уровне больших социальных групп и часто требует специальных общественных институтов. Начавшись с первых лет жизни, социализация личности в своих основных чертах завершается к периоду гражданской зрелости человека. Однако в целом процесс социализации никогда не бывает завершенным полностью, по некоторым аспектам он продолжается всю жизнь. Соответствующая необходимость становится одной из насущных потребностей общественного человека.

Сюда входит, в частности, и необходимость постоянного определения человеком своего места в социуме, своих текущих «координат» как в непосредственно социальном, так и социально-историческом континууме, в том числе и за счет идентификации себя в отношении определенных социальных групп. Каждый человек нуждается в обновлении, ежедневном поиске того, что конкретизирует и уточняет его место в жизни, без чего невозможно успешное решение им своих как общественных, так и личностных проблем. В частности, с точки зрения социальной психологии для индивида чрезвычайно важна потребность принадлежать к социуму, воспринимать, оценивать и осмысливать его, идентифицировать себя с конкретной социальной группой. Отсюда и стремление к соответствующей самоидентификации, осознанию собственной принадлежности к определенным конкретным социальным общностям. Этот момент является важной составляющей социализации индивида.

Социализация личности органично включает передачу социального опыта человечества, поэтому преемственность, сохранение и усвоение традиций неотделимы от повседневной жизни людей. Происходит индивидуальная трансформация социального опыта, культуры человечества – как в онтогенезе, так и в филогенезе. Именно через них новые поколения приобщаются к решению экономических, социальных, политических и духовных проблем общества. Этот опыт в значительной степени зафиксирован в определенных материальных образованиях. Поэтому важную роль в данном процессе играет вещная среда существования человека. Одним из социально-психологических механизмов социализации является импринтинг (отображение) – фиксация человеком на рецепторном и

подсознательном уровнях особенностей жизненно важных объектов, влияющих на него. Но чрезвычайная сложность процесса социализации личности требует использования также целого ряда особых средств его осуществления. И весьма важную роль в этом процессе имеют именно созданные людьми материальные объекты (артефакты), в которых зафиксирована соответствующая информация.

Для рассмотрения роли артефактов в социализации индивида, еще раз обратимся к анализу некоторых аспектов информации, которой обмениваются люди как составляющие общества в процессе общей деятельности.

Важнейшим параметром любой передаваемой информации является ее *количество*, характеризующееся степенью устранения неопределенности. Но эта характеристика имеет значение не столько для получателя информации с точки зрения ее использования, сколько при выборе средств связи для ее передачи. Знаменитая статья Клода Шеннона³⁸, заложившая основы теории информации, стала результатом его исследований по увеличению пропускной способности и помехоустойчивости каналов связи. Именно вопросами передачи и формальной переработки (перекодирования) информации и занимается классическая теория информации.

Для получателя информации более значимой оказывается ее *полезность*, обусловленная тем, насколько она повышает тезаурус, характеризующий имеющийся объем информации получателя. Таким образом, количественная характеристика передаваемой информации определяется, прежде всего, применительно к средствам связи, а прагматическая – применительно к приемнику информации. Источник информации при этом не учитывается. Однако такое игнорирование источника при оценке информации далеко не всегда допустимо.

В социальных системах важное значение имеет еще одна характеристика информации, которую можно было бы назвать ее *достоверностью*. Особое значение эта характеристика приобретает, когда информация об одном и том же явлении, получаемая из различных источников, носит противоречивый характер (что в социальных системах достаточно распространено). Здесь анализ ни средств связи, ни приемника (а часто и самой информации) не дает нам возможности выбрать то сообщение, ко-

³⁸ Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication. – Bell System Technical Journal. – 1948. – Т. 27. – С. 379-423, 623-656; Шеннон К. Работы по теории информации. – М., 1963.

торое является более достоверным. Но, однако, такой выбор делается, он неизменно сопровождает почти любое использование информации человеком – любую информацию мы оцениваем и с точки зрения ее достоверности. И хотя достоверность – характеристика не самой информации в собственном смысле слова, а ее источника, мы неодинаково относимся именно к информации.

При любой передаче информации вследствие помех происходит ее искажение. Однако, когда речь идет о передаче информации в технической системе (или внутри многоклеточного организма), вопрос о достоверности не возникает – весь процесс искажения информации в принципе может быть описан в рамках классической теории информации. Другое дело, когда, как в социуме, и источник, и приемник, являясь элементами системы, в то же время тоже являются самостоятельными (в определенных рамках) сложными системами.

Когда человек для своих действий вынужден использовать информацию, полученную из окружающей среды *иным* человеком (более того, в общем случае – всякий раз иным, что исключает поправку на систематическую погрешность), появляется необходимость оценки ее достоверности. Но даже если предположить полную «объективность» поставщика, то и в этом случае степень достоверности информации в значительной степени зависит от личностных качеств последнего, его общественной позиции, интересов, уровня осведомленности и тому подобного. Достоверность информации, таким образом, является оценкой ее источника с точки зрения приемника.

Если первичный источник информации нам неизвестен, то показателем ее достоверности является та форма, в которую данная информация помещена. Конечно, при этом можно сказать, что это сама форма просто несет в себе дополнительную информацию, и ничего нового по сравнению с другими случаями передачи информации мы здесь не имеем. Это действительно так и есть. Но указанная дополнительная информация относится уже к другому сообщению – не к сообщению о характере ее объекта, а к сообщению о субъекте информации.

Как уже отмечалось, передача информации между составляющими общества в основном осуществляется специально выработанным для этой цели особым видом материальных объектов – знаков. Однако, будучи предназначенными для передачи вполне конкретной информации, как результаты деятельности людей они, помимо нее, несут также информацию о данном обществе и составляющих его индивидах. Но именно как специально предназначенные для целей коммуникации, знаки в этом отношении неизбежно

испытывают существенное влияние субъективности отправителей, что для получателей объективно снижает ее достоверность. Иначе дело обстоит с другими полезными предметами, которые совершенно объективно отражают наличные общественные условия, а потому могут считаться вполне достоверными их свидетелями. Это обстоятельство играет чрезвычайно важную роль в социализации индивида, который современное ему общество в значительной степени воспринимает именно через совокупность окружающих его материальных предметов различного назначения, образующих конкретную материальную среду бытия общества.

Если сказанное «опрокинуть» в историческую ретроспективу, то применительно к определению социально-исторических координат индивида аналогичную роль играют соответствующие артефакты прошлого. Однако здесь имеется один важный отличительный момент. Указанные артефакты не каждый сам по себе, но лишь в своей совокупности во всей полноте отражают конкретный период исторического развития и данный культурный пласт. Соответственно для полного и всестороннего наглядного воспроизведения указанных явлений прошлого они нужны в полном объеме сегодня. Очевидно, что такой подход неизбежно приводит к абсурду – нельзя в современности, как в матрешке, материально вместить все предыдущие этапы развития. Да это и не нужно, поскольку прошлое важно для нас лишь с одной целью – осознать настоящее и предвидеть будущее. А для этого прошлое нам необходимо не само по себе, важно постижение его сущности, т. е. своеобразная «модель», идеальный образ, сложившийся в общественном сознании и сознании индивида.

Соответственно должны подбираться и средства (включая материальные) воспроизведения прошлого, в том числе и памятники истории и культуры. Понятно, что для достижения этой цели было бы желательно, чтобы памятники истории и культуры образовывали «совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы»³⁹. Поскольку же памятники истории и культуры в принципе в состоянии воспроизводить прошлое не сплошь, а только в его сущностных характеристиках, составляя «условно-непрерывный», а не сплошной ряд, то они должны определенным образом отбираться. И отбирать их следует как определенные «реперные пункты» развития, те узлы, в которых наиболее полно концентрирова-

³⁹ Боярский П. В. Перспективы развития памятниковедения. – Памятниковедение: теория, методика, практика: сб. науч. трудов. – М., 1986. – С. 127.

лись и разрешались противоречия данного исторического периода, данного эволюционного направления культуры.

Но имеется как минимум два существенных момента, которые препятствуют последовательному проведению такой линии. Если дело касается современности или недавнего прошлого (т. е. если речь идет о сохранении неких объектов, прежде всего, для будущих поколений), то существует довольно широкая техническая возможность такого отбора. Хотя в обществе далеко не всегда совпадают мнения как относительно того, какие же противоречия и какое их разрешение характерны для данного исторического и культурного процесса, так и относительно того, в каких именно материальных объектах они наиболее четко и полно реализованы.

Что же касается прошлого (особенно удаленного), по разным причинам оставившего нам достаточно ограниченное количество своих материальных свидетельств, «отбор» которых был стихийным, в значительной степени случайным, то положение существенно меняется. В этом случае указанную линию отбора провести легче идеологически, но гораздо сложнее технически. Идеологически здесь легче достичь согласия в оценке исторических и культурных процессов (хотя также далеко не всегда, и чем ближе к современности, тем труднее). Кроме того, здесь появляется еще один важный момент: иногда как раз тот или иной памятник может в корне изменить оценку. Но большая и объективная сложность вызывается ограниченностью набора объектов — тем меньшим, чем более древняя эпоха рассматривается. При этом существует весьма значительная вероятность, что именно «узловые (реперные) точки» (хотя бы даже по причине их количественной ограниченности) и могут оказаться утерянными.

Гораздо легче найти более-менее *типичный* объект, являющийся достаточно характерным для определенного времени или определенного явления. С некоторыми оговорками он также может быть вполне успешно использован при воспроизведении минувших культурно-исторических процессов. Упомянутые оговорки касаются того, что далеко не всегда наиболее характерное в статике является таким же и в смысле эволюционного развития, т. е. оно воспроизводит скорее внешнюю картину того или иного этапа развития, чем его суть (которая как раз и воплощается в «зародышах», в тех самых «реперных точках», которые дают начало новому, формируют направление дальнейшего развития).

И, наконец, в случае, когда дело касается совсем «седой древности», оставившей нам совсем уж мало своих материальных свидетельств, каждое из них ценно для ее воспроизведения. Начиная с определенного историче-

ского времени (разного для разных категорий памятников), *каждая древняя вещь* должна считаться памятником истории и культуры. Однако тут надо быть особенно осторожным в общих выводах относительно самого того общества (или его определенных сторон), которое оставило эти свидетельства. Именно вследствие случайности последних общая картина, построенная непосредственно на них, может оказаться крайне искаженной.

Единственное, что здесь может помочь, это тщательное рассмотрение каждого памятника, и не самого по себе, а в определенной системе и соответственно «месту в системе связей с другими памятниками, с которыми он взаимодействует, создает аутентичную среду». Иными словами: сначала памятник необходимо свести к определенному общекультурному контексту, и только потом делать на его основе соответствующие выводы (это хорошо показал относительно археологических памятников М. И. Гладких)⁴⁰.

«Погружение в прошлое»

Однако подчеркнем еще раз, что в ее «чистом» виде такая задача ставится перед источниковедением, а в более широком плане – вообще перед исторической наукой. Применительно же к памятниковедческим задачам нас здесь интересует использование той ценностной информации, которая может быть получена от артефактов прошлого с целью действия социализации индивида. А с этой целью восприятие данной информации обязательно должно носить эмоциональный характер.

Возможность эмоционально определить свои социально-исторические координаты дает только та информация, которую несет в себе именно материальный памятник истории и культуры. Отсюда, между прочим, и специфическая роль музея как социального института, функционирование которого, прежде всего, базируется на использовании аутентичных объектов историко-культурного наследия для комплексного и целенаправленного воздействия на индивида. «Знание и опыт можно передавать по-разному, но ни одно учреждение не сравнится с музеями, обладающими уникальной возможностью воздействовать на все многообразие человеческих чувств: зрение, слух, осязание, обоняние, даже вкус, ориентацию в пространстве. Музеи сочетают передачу знаний с эстетическим и эмоциональным воспитанием, они пробуждают в челове-

⁴⁰ Гладких М.И. Историческая интерпретация позднего палеолита...

ке творческое начало, и в этом нет им равных»⁴¹. Известный музеолог С. Странский, рассматривающий современный музей как важную форму институционализации специфического отношения человека к действительности, считал, что она «проявляется в стремлении к приобретению и сохранению, несмотря на естественные тенденции изменения и исчезновения, истинных ценностей, сохранение и использование которых создаст и умножает гуманистический и культурный облик человека»⁴².

Мы выше отмечали роль, которую в этом процессе играет искусство, также являющееся средством передачи аксиологической (ценностной) информации. Эта передача осуществляется через произведение искусства, в котором отражена личность его «отправителя» – художника. Именно последняя заставляет нас воспринимать художественное произведение как эстетический феномен, побуждает формировать определенное отношение – к человеку вообще и к объекту данного произведения в частности. Видимо, именно это обстоятельство вызывает попытки сопоставлять музеи с искусством, например: «Весьма показательно, что в настоящее время наблюдается совпадение тенденций развития музеев и искусства. Искусство (если только оно не является простой игрой и не ограничивается чисто декоративными функциями), так же как и музей, ищет ответ на вечные вопросы: кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?»⁴³.

В этом, кстати, заключается и то общее, что существует между произведением искусства и артефактом в качестве памятника. Но тут же проходит и разграничение между ними. Различие состоит в том, что произведение искусства специально предназначено для такой оценки. Критерием ее служит эстетическое качество, специфическим образом характеризующее личность творца⁴⁴. Памятник же истории и культуры как материальная структура создавался, обычно не будучи рассчитанным на такого рода оценку. Она является *объективным* результатом тех или иных социальных процессов в прошлом, а следовательно, может рассматриваться как достоверное их отражение. Критерием же достоверности для нас служит подлинность данного артефакта. Именно он позволя-

⁴¹ Нильсон Б., Росен Б. Экология человека и культурно-исторические музеи // Museum. – 1989. – № 160. – С. 50.

⁴² Странский З. Понимание музееведения // Музеи мира. Сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 19.

⁴³ Шола Томислав. Предмет и особенности музеологии // Museum. – 1987. – № 153. – С. 49-53.

⁴⁴ Griffen L. Das Shöne in der Kunst und die Spezifik der ästhetischen Information // Kunst und Literatur. – Berlin, 1972. – N 8. – S. 868-875.

ет нам не только получить достоверные сведения о прошлом, но и на индивидуальном уровне воспринять его как нечто личностное.

Поэтому при решении последней задачи даже тот же самый исторический артефакт в памятниковедении рассматривается с существенно иной точки зрения, чем, скажем, в источниковедении, и эта точка зрения определяется общественной целью данной науки. Конечно, получение исторически достоверной информации и здесь играет важную роль, позволяя *приблизить* к нам прошлое. Но этот момент подчинен основной цели, которая ставится перед артефактом как памятником истории и культуры. А эта цель – «погрузить» сегодняшний воспринимающий субъект в прошлое, таким образом связав их между собой (см. рис. 2).

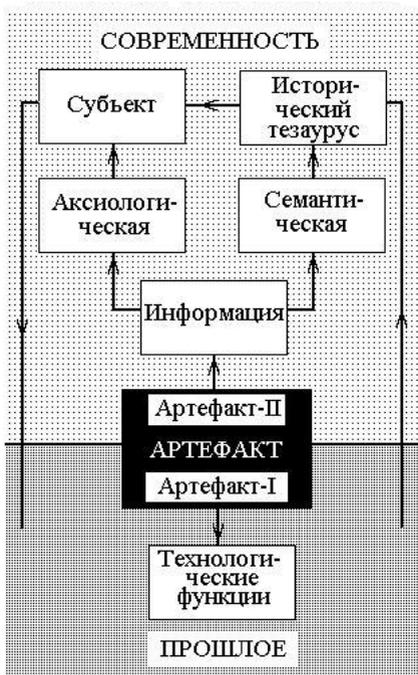

Рис. 2. Артефакт между прошлым и современностью

кроме многого другого, в качестве одного из важнейших моментов для эмоционального включения в социум как раз и предполагает *эмоциональное* же определение индивидом своих личностных социально-исторических координат, чего без упомянутого «погружения» в прошлое для создания внутреннего ощущения родства с ним достичь невозможно. Посмотрим, каким образом в данном случае это происходит.

Как уже отмечалось, тот или иной артефакт, оставшийся от прошлого, имеет, так сказать, две «ипостаси». С одной стороны, он остается тем же самым материальным образованием, созданным в свое время общественным человеком с конкретной целью – для выполнения определенных

технологических функций, а именно взаимодействия общества с окружающей средой и передачи материальных или информационных потоков внутри общества. На рис. 2 эта его «ипостась» обозначена как «Артефакт-I». Именно такую роль он играл в прошлом. С другой стороны, уже по отношению к современности, данное материальное образование (тот же самый артефакт) обращен своей другой «ипостасью». Теперь он представляется источником информационного потока, дающего сегодня сведения об обществе, некогда создавшем и использовавшем данное материальное образование («Артефакт-II»), пришедшим к нам из прошлого как свидетель его истории и культуры. Именно эта информация, которую он несет, не только предоставляет научные сведения, но и обеспечивает субъекту эмоциональную возможность «погрузиться» в прошлое. И здесь основную роль играет характер этой информации.

Беспорно, семантическая информация в данном случае также играет важную роль. Но применительно к артефакту как историческому источнику общественный смысл последнего – предоставление сведений о прошлых исторических событиях и состоянии соответствующего общества (*прямая связь*). Применительно к нему же в качестве памятника истории и культуры (будет ли это музейный предмет или так называемый «недвижимый памятник») задача имеет в некотором смысле противоположный характер (*обратная связь*). В первом случае эта задача – *пополнить* исторический «контекст» (тезаурус), *приблизив к нам прошлое*. В последнем же – *«вместить»* артефакт в этот контекст, или же «пополнить» артефакт контекстом, соответствующей информацией – «объективируясь, она выявляет значения, поддающиеся обнаружению и пониманию другим историческим существом, преодолевающим свою собственную историческую ситуацию»⁴⁵. А это дает возможность *приблизить нас к прошлому*.

Упомянутая связь как раз и обеспечивает субъекту возможность определить собственные социально-исторические координаты, связав свое актуальное бытие в социуме с тем, что составляет его историю. А значит ощутить себя неотъемлемой частью не только современного ему социума, но и, так сказать, генетически, в качестве «итога» становления и развития последнего, равно как и всего исторического и культурного процесса человечества. А чтобы данный артефакт был не просто материальным образованием, дошедшим к нам из прошлого, но и историческим его «свидетелем», он должен быть «помещен» в соответствующий контекст (исторический тезаурус). Конечно, часть необходимых для этого сведе-

⁴⁵ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 2002. – С. 34-35.

ний может быть получена также и от самого данного артефакта, однако в основном источники их все же имеют внешний по отношению к нему характер. И осуществляется это на основе семантической информации.

Характерной иллюстрацией того значения, которое имеет исторический контекст, является восприятие широкой общественностью археологических памятников. «На уровне массовой культуры значительный возраст археологических останков чаще всего вызывает чувство удивления, реже восхищения, а порой и недоверия. ... В силу своего возраста памятники археологии оказываются также значимым мировоззренческим символом, поскольку через их восприятие формируется понимание длительности, сложности культурного пути человечества и подлинной многослойности самой культуры». Однако, к сожалению, часто «элементарное отсутствие информации об археологическом наследии является фактором, блокирующим какое-либо ценностное отношение к нему»⁴⁶.

«Помещая» артефакт в исторический контекст, или же «пополняя» контекстом артефакт, тем самым мы способствуем превращению последнего из простой материальной структуры в объект культурного наследия. Но тут дело уже не столько в «понимании», сколько в *формировании определенного ценностного отношения*, создании определенного эмоционального «фона». Упомянутое «погружение» возможно только в том случае, если субъект эмоционально связывает себя с прошедшим, то есть за счет восприятия соответствующей аксиологической информации. А в силу специфики последней она не может быть получена опосредованно – только при *непосредственном восприятии* объекта в его телесности, благодаря *материальному бытию* артефакта в качестве свидетеля прошлого, т.е. в виде *аутентичного* памятника.

Семантическую информацию о прошлом мы получаем из различных источников. Что касается информации аксиологической, то здесь не обойтись без аутентичных свидетелей прошлого. Лишь они не только предоставляют о нем определенную информацию, но и становятся агентами практического «включения» человека в прошлое. Но воспринимаются они субъектом весьма неоднозначно. «Достоверность Прошлому сообщает только то, что в каком-то смысле неизменно во времени ... Прошлое служит опорой самоидентификации человека, а это означает включение мощного фильтра, пропускающего в представление о Прошлом вовсе не того, "что было", а того, "что нам хотелось бы, чтобы бы-

⁴⁶ Каменский С. Ю. Археологические памятники как объекты культурного наследия: аксиологический аспект. – Известия Уральского гос. ун-та. – 2008. – № 55. – С. 16-25.

ло". Связь с прошлым – это проекция человеком сегодняшнего образа мира и себя самого в давно ушедшее, податливое и не сопротивляющееся искажением всякого рода состояние рефлектирующей души. Историческая наука, источниковедение, археология, строгие процедуры исторической экспертизы не могут одолеть этого переживания, этого способа включения людей в свое прошлое»⁴⁷. Но оказывается, что представление о прошлом, служащее опорой самоидентификации человека, подлежит определенной модификации под влиянием материальных объектов культурного наследия – памятников истории и культуры. Процесс этот сложен и специфичен. Соответственно и изучать этот процесс – задача специальной науки, которой и является памятниковедение.

И один из важнейших моментов здесь – вопрос о подлинности артефакта. Что касается артефакта из прошлого, то в упомянутом отношении прежде всего необходимо свидетельство его подлинности, т. е. действительной принадлежности обществу соответствующей эпохи. Установление подлинности осуществляется анализом как самого данного объекта, так и его истории, общественных связей и тому подобного. Последнее имеет существенное значение даже для определения, является ли вообще данное материальное образование памятником истории и культуры. Хотя внешне культурные ценности выступают как свойства, присущие определенному объекту (предмету или явлению), они присущи последнему не самому по себе, т. е. просто вследствие его собственной внутренней структуры, а потому, что он включен в сферу общественного бытия человека и как таковой стал носителем определенных социальных отношений. «Допустим ради пояснения, что прекрасно сделанный предмет, чье строение и пропорции приятны для восприятия, принимается нами как произведение каких-нибудь первобытных людей. Но вот появляется основание для доказательства того, что он является случайным природным продуктом. Как внешняя вещь, он и теперь является точно таким, как был раньше. Однако он сразу перестает быть произведением искусства и становится природной “диковиной”. Теперь он находится в музее естественной истории, а не в музее искусства»⁴⁸. Не переставая быть тем же самым материальным образованием, но не будучи результатом материализации человеческих потенций, данный предмет теряет основания для восприятия его в качестве памятника истории и культуры. Сам же аутентичный объект воспринимается нами непосредственно, и именно как но-

⁴⁷ Воронин А.А. Техника как феномен культуры. Дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2005. – С. 15.

⁴⁸ Дьюи Джон. Обладание опытом // Современная книга по эстетике. – М., 1957. – С. 149.

ситель аксиологической (ценностной) информации. Последняя, однако, все же отражает (в качестве памятника) не столько предмет как таковой, сколько через присущие ему характеристики то «идеальное», что в него было «заложено» людьми. Иначе говоря, фактура исторического памятника второстепенна по сравнению с духовным опытом, который в этом памятнике выявляется⁴⁹.

Поскольку в процессе социализации личности памятник истории и культуры играет роль своеобразной «реперной точки» отсчета в многокоординатной социальной системе, в которой личность существует, то такие «точки» для создания целостной «траектории» не могут быть единичными, их должно быть достаточно, чтобы создать определенную систему. То есть памятник, «спроцированный» в прошлое, для эффективного восприятия этого прошлого должен выступать не «сам по себе», а будучи органично инкорпорированным в систему историко-культурного наследия. Такая система должна быть, с одной стороны, разветвленной во времени и других социально-исторических измерениях, а с другой – «укоренившейся» через логическую, генетическую и другие виды связи между памятниками. Не зря, например, специфической «единицей» музейного показа считается не одиночный памятник истории и культуры (экспонат), а их определенная система (экспозиция). Только последняя, устанавливающая (пусть и несколько искусственно) связи между отдельными памятниками, действительно может эмоционально «погрузить» сегодняшний воспринимающий субъект в прошлое, таким образом связав его с последним. Соответственно и задачей музея является не столько предоставление посетителям фундаментальных знаний в той или иной области, сколько своеобразное «подключение» к общественному «культурному коду», формирование определенных свойств личности, целостного историко-культурного мировосприятия⁵⁰.

Конечно, все то, что в этом отношении касается объектов культурного наследия в виде музейных предметов, равно закономерно можно – с учетом их специфики – отнести и к другим памятникам истории и культуры. Здесь важно то, что в силу особенностей эмоциональной (аксиологической) информации, непосредственно связанной с проблемами достоверности последней, ее нельзя получить опосредованно – только при *непосредственном* восприятии объекта в его телесности, т. е. в виде *аутентичного памятника*.

⁴⁹ Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997. – С. 17.

⁵⁰ Бонами З.А. Музей и проблема трансляции культурно-исторических кодов // Музей и образование. – М., 1989. – С. 24-28.

Причем такого, который включен в определенную систему памятников и обязательно с учетом исторического тезауруса. Только так он может играть свою важную и, можно сказать, незаменимую роль в процессе социализации индивида, выполняя таким образом свое основное общественное назначение в качестве памятника истории и культуры.

Памятники истории или памятники культуры?

В Законе Украины «Об охране культурного наследия» объекты культурного наследия разделены на археологические, исторические, объекты монументального искусства, объекты архитектуры, градостроительства, садово-паркового искусства и ландшафтные, объекты науки и техники. И хотя тот или иной конкретный объект культурного наследия, относящийся к определенному их виду, может быть благодаря своей разносторонности включен также в другие виды культурного наследия, все они достаточно четко различаются по своим типологическим признакам. Исключение составляют только объекты культурного наследия, отнесенные к историческим.

Такой подход имеет определенные исторические предпосылки, поскольку уже достаточно давно «общепринятым стало деление "движимых" и "недвижимых" памятников истории и культуры по типологическим признакам на четыре основные категории памятников: археологии, истории, градостроительства и архитектуры, искусства»⁵¹; но сегодня его уже нельзя признать общепринятым. Скажем, в РФ согласно Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 2002 г. «к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры)» относятся недвижимые объекты и другие предметы материальной культуры, «возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры...». То есть постулируется не *разбиение* объектов историко-культурного наследия по видам в соответствии с их типологическими особенностями, а только различие *точек зрения* на них. Тем более никаких памятников истории – даже в этом смысле – как *особого* вида материальных объектов не выделяется. Зато отмечается, что все памятники возникли «в результате *исторических событий*».

⁵¹ Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – С. 63.

Здесь фактически повторяется подход, проводимый в Конвенции об охране культурного и природного наследия, принятой ЮНЕСКО в Париже в 1972 году. В ней также не упоминаются «памятники истории», зато применительно к «культурному наследию» также говорится об «универсальной ценности с точки зрения (!) истории» (как и с точки зрения различных отраслей культуры) его памятников⁵².

Согласно же Закону Украины «Об охране культурного наследия» исторические объекты, как видим, выделены в особый вид. И к ним отнесены: «здания, сооружения, их комплексы (ансамбли), отдельные захоронения и некрополи, места массовых захоронений умерших и умерших (погибших) военнослужащих (в том числе иностранцев), погибших в войнах, вследствие депортации и политических репрессий на территории Украины, места боевых действий, места гибели боевых кораблей, морских и речных судов, в том числе с остатками боевой техники, вооружения, амуниции и т.п., достопримечательные места, связанные с важными историческими событиями, с жизнью и деятельностью известных лиц, культурой и бытом народов». В приведенном перечне практически все исторические объекты культурного наследия так или иначе также относятся и к другим его видам. Действительно, по типологическим признакам «здания, сооружения, их комплексы (ансамбли)» относятся к объектам архитектуры и градостроительства, «некрополи» – к памятникам архитектуры и монументального искусства, «достопримечательности» – к ландшафтным объектам, «имеющим историческую ценность»... Даже «остатки боевой техники» входят в объекты науки и техники. С другой стороны, практически все объекты других перечисленных в Законе видов культурного наследия вполне могут соответствовать критериям относительно объектов исторических.

То, что именно упомянутая терминология принята в законодательстве, не является веским доводом в пользу ее теоретической безупречности. Безусловно, в памятникоохранной деятельности необходимо руководствоваться существующими правовыми нормами, в том числе и связанной с ними терминологией. Но для памятниковедческих исследований последние не могут и не должны иметь императивного характера и не только допускают, но и требуют критического осмысления. Научные термины прежде всего должны соответствовать природе и объективным характеристикам исследуемого объекта.

⁵² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. – Париж: ЮНЕСКО, 1972. – С. 2.

Поскольку разделение в данном Законе объектов культурного наследия по видам вряд ли можно считать научно корректным, то, несмотря на законодательную закреплённость приведенной выше классификации, касаемо ее объектов, как, впрочем, и в отношении самих принципов классификации, дискуссии, и раньше имевшие место среди ученых, продолжают существовать. И если относительно других видов объектов сегодня все же существуют определенные совпадения в подходах, то по объектам историческим все еще имеются довольно значительные их различия.

Нередко памятники истории с одной стороны вроде выделяют в отдельный вид объектов культурного наследия, а с другой практически относят к ним все такие объекты (хотя чаще всего имеют в виду только объекты недвижимые – без обоснования такого подхода): «Памятники истории – один из видов историко-культурного наследия, включающий в себя расположенные под открытым небом материальные объекты (здания, сооружения, захоронения, природные образования) и их комплексы, а также локализованные территории (памятные места природного и антропогенного характера), которые являются реальными свидетелями исторических событий и явлений, жизни и деятельности известных деятелей и носителями информации общечеловеческого и этнонационального значения обо всех (!) сферах общественно-политического, экономического, культурного и духовного развития народов и каждой страны – государственный строй и общественно-политическая жизнь, социальные и национально-освободительные движения, история войн и войска, производства и техники, науки, образования, культуры, религиозной и церковной жизни»⁵³.

Иногда, наоборот, полагают, что все памятники культуры полностью во всем их разнообразии являются также и памятниками истории, что каждый вид памятников (археологических, архитектуры, искусства) в хронологическом аспекте относится и к памятникам истории, поскольку представляет собой материальное свидетельство более или менее отдаленного прошлого⁵⁴.

Существует точка зрения, согласно которой история и культура не являются однопорядковыми понятиями: первичной считается история, а культура «есть составная часть истории, но не наоборот»; «прошлая культура, в данном случае – это часть прошлой истории»⁵⁵. Но такой

⁵³ *Теоретичні та науково-методологічні засади підготовки статей про пам'ятки історії до «Зводу пам'яток історії та культури України»*. – К., 2011. – С. 7.

⁵⁴ *Егоров В.Л.* Развитие и становление понятия «Памятник истории» // *История СССР*. – 1988. – №1. – С. 100-106.

⁵⁵ *Кулемзин А.М.* Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха // *Культурологические исследования в Сибири*. – Вып. 1. – Омск, 1999.

обобщенный подход не всегда находит поддержку: «Разделяя в принципе последнюю точку зрения, считаем необходимым дополнить ее существенным аргументом, основанным на специфике именно недвижимых памятников истории. Дело в том, что отдельные их типы нельзя отнести к сфере культуры, то есть ценностей материальной и духовной деятельности человечества. Например, памятные места сражений, боев, массовых казней, расположение концлагерей и тому подобное. Здесь могут быть названы и захоронения выдающихся людей...»⁵⁶. Такой избирательный подход к памятникам культуры в последнее время получил определенное распространение.

Вряд ли можно согласиться с подобной трактовкой культурных «ценностей». Относительно захоронений речь пойдет далее. А что касается «мест массовых казней», то пускай в этом случае еще можно было бы как-то принять такую точку зрения (хотя и непонятно, почему массовых? а с местами индивидуальных казней на Гревской или Красной площадях все в порядке?), но при чем здесь «места сражений, боев»? Ведь на этих местах не только гибли люди, но и проявлялись сила духа, героизм, самоотверженность – они что, не являются «ценностями духовной деятельности человечества»? Ну, а что касается соответствующих орудий, *специально* предназначенных для уничтожения людей – *оружия*, то их при таком подходе, очевидно, вообще следует вывести за пределы культуры. Не совсем понятно также, при чем здесь специфика «именно недвижимых памятников». Вообще, к сожалению, здесь явно имеет место несколько вульгарное понимание термина «культура».

Отнесение к «культуре» только того, что является «культурным» в обыденном понимании, того, что *именно мы и именно сейчас* считаем «ценностью», открывает широкий простор для субъективизма. Как уже упоминалось, все то, что определяет поведение человека (в том числе и все «ценности»), закладывается обществом. В своем индивидуальном опыте человек усваивает опыт общественный, в том числе воплощенный в материальных объектах (артефактах), которые его окружают. Распредмечивая их, человек создает свой собственный идеальный образ мира, который затем сам опредмечивает в его созидании. Именно этот процесс распредмечивания-опредмечивания вместе с его материальным и идеальным воплощением и является культурой общества.

⁵⁶ Піскова Е.М., Федорова Л.Д. Сучасна класифікація пам'яток історії. – Пам'ятки історії та культури: Каталог-довідник. Зошит І. Пам'ятки історії та культури України: дослідження та збереження. – К., 2005. – С. 156.

Несмотря на все возможные девиации, упомянутые воплощения в целом всегда были необходимыми с точки зрения интересов того или иного общества применительно к возможности его функционирования и развития на том или ином этапе последнего (а значит, будучи явлениями культуры в ее историческом развитии, *без каких-либо исключений* заслуживают статуса памятников как истории, так и культуры). С научной точки зрения вынесение им ценностного вердикта с позиций сегодняшнего этапа развития вряд ли допустимо. Можно с большой степенью вероятности ожидать, что и некоторые из нынешних оценок (в том числе даже относительно ценностей, которые нами сейчас с пафосом провозглашаются «общечеловеческими») будут поставлены под сомнение будущими поколениями: мы – не «венец творения», а лишь очередной продукт процесса общественного развития. Таким образом, вряд ли целесообразно и на таком основании понятие «памятник истории» считать более широким, чем «памятник культуры», а тем более сужать последнее по его содержательному наполнению, фактически включая какие-то потенциальные виды памятников только в памятники истории.

С другой стороны существуют противоположные точки зрения, согласно которым, наоборот, понятие «памятник культуры» является всеобъемлющим и вообще не требует введения понятия «памятник истории», а если оно все же вводится, нет оснований для его сужения относительно предыдущего: «Нет нужды термин "культура" дополнять термином "история"», поскольку понятие «культура в современном понимании очень широко и включает совокупность достижений общества в области образования, науки, искусства и других сферах духовной жизни и материального производства. История – это также всеобъемлющее понятие; в широком смысле – всякий процесс развития. В этом смысле термин история применим ко всем без исключения явлениям в жизни природы и человеческого общества». Автор верно отмечает: «Бесспорно, что любой из этих двух терминов: и "история" и "культура" – в широком понимании охватывает все без исключения ценности материальной и духовной деятельности человечества», но делает из этого несколько странный вывод – «объединять их и употреблять в законодательстве, литературе и практике охраны памятников как условный общий термин "памятники истории и культуры" нецелесообразно и нелогично, достаточно оставить один из них» – с точки зрения автора следует оставить только «памятники культуры»⁵⁷. Но как раз такой вывод и нелогичен – это лишний раз подтвер-

⁵⁷ *Иваненко В.* Правовой статус пам'ятки // Пам'ятки України. – 1987. – №1. – С. 23.

ждается фактом широкого и уже достаточно длительного использования термина «памятники истории и культуры».

Однако именно такой подход сегодня (правда, в неявном виде) и проводится в украинском законодательстве. Уже одно название Закона «Об охране культурного наследия» (именно «культурного», а не «историко-культурного» или «культурно-исторического») посредством образом это подтверждает. А термин «памятник истории и культуры» вообще не употребляется, вместо него употребляются термины «объект культурного наследия», «памятник культурного наследия». Как уже упоминалось, здесь к видам культурного наследия относятся объекты археологические, исторические, монументального искусства, архитектуры, градостроительства, садово-паркового искусства, ландшафтные, науки и техники. Видно, что ни о каком «равноправии» «культуры» (в целом) и «истории» здесь говорить не приходится: исторические объекты оказываются *соподчиненными* по отношению к объектам культуры, *лишь одним из их видов* (наряду, скажем, с теми же объектами садово-паркового искусства), уравненным с другими. Указанная классификация относительно исторических объектов имеет также и формальные противоречия: если, например, к историческим памятникам Закон относит «здания, сооружения, их комплексы (ансамбли)», то и к памятникам градостроительства – опять же «исторически (!) сформированные "строительные" комплексы (ансамбли)».

Применительно к классификации памятников в Законе «Об охране культурного наследия» стоит отметить еще один существенный момент. «Памятники истории не имеют особой, присущей только им формы материального существования, поэтому их нельзя обнаружить и объединить по этому признаку. Ценность того или иного объекта как памятника истории обуславливается, прежде всего, значением связанных с ним событий или персоналий в общественно-политическом и культурном развитии»⁵⁸. Все остальные памятники по своим типам, напротив, связаны именно со своей материальной структурой, хотя содержательное наполнение им также предоставляется историческим контекстом, в который они вписаны. Таким образом, хотя материальные свидетельства исторических событий, безусловно, имеют статус объектов культурного наследия, однако они совсем не органично входят в типологический ряд памятников в качестве их отдельного вида. Более того, основным требова-

58 Денисенко Г.Г. Военна історія України в контексті дослідження і збереження культурної спадщини. – К., 2011. – С. 12.

ниям к памятникам истории – аутентичность и синхронность определенному периоду исторического развития общества – отвечают все без исключения объекты культурного наследия.

Таким образом, нет никаких оснований для выделения особого вида памятников – памятников истории. С определенной точки зрения каждый памятник – памятник истории. Другое дело, что, возможно, практически не все из них целесообразно конституировать в этом качестве. Но каждый материальный объект кем-то создавался и использовался, так что был связан с определенными персоналиями, был свидетелем определенных исторических событий и играл в них ту или иную роль, то есть имеет все признаки памятника истории. Но даже если определенный памятник сегодня не связан непосредственно с важными для нас конкретными историческими событиями или выдающимися личностями, это еще не основание для исключения его из памятников истории – так или иначе он свидетель определенного исторического периода, а кроме того может появиться по нему новая информация, и оценочные критерии могут измениться.

Дуализм объекта культурного наследия

Итак, о каких бы памятниках культуры не шла речь, мы не можем забывать, что они одновременно являются и памятниками истории: «в природе не существует таких произведений человеческой мысли и труда, которые так или иначе не были бы связаны с историческими событиями в жизни народа, с развитием общества и государства»⁵⁹. Это, однако, никоим образом не значит, что памятники культуры должны *отождествляться* с памятниками истории. Ведь очевидно, что «история» и «культура», будучи понятиями всеобъемлющими, не являются, однако, идентичными. Логическое противоречие, возникающее при этом, пытаются разрешить за счет утверждения, что памятник истории по своим структурным и функциональным характеристикам может одновременно относиться к другим видам памятников. Но это не меняет сути дела, поскольку каждый конкретный материальный объект может иметь полифункциональный характер и соответственно в качестве элемента входить в различные классификационные системы. В данном же случае если все равно целесообразно рассматривать *объект* историко-культурного на-

⁵⁹ *Брайченко М.* Час і пам'ятки. До проблеми поняття «пам'ятка історії та культури» // Пам'ятки України. – 1986. – №2. – С. 36.

следа и как памятник истории, и как памятник культуры, то это вовсе не значит, что речь идет об одном и том же общественном явлении. Это значит лишь, что в этом случае, даже если речь идет о том же самом артефакте, имеются в виду в чем-то разные, существенно отличающиеся друг от друга, но присущие всем объектам культурного наследия его аспекты. Вопрос лишь в том, что это за аспекты.

Как мы уже неоднократно подчеркивали, ни один памятник, как и любой другой объект, не может рассматриваться как нечто изолированное, а только во взаимосвязи с другими объектами. Типов этих взаимосвязей в принципе может быть два. Один тип связей конкретно воплощает всеобщую взаимосвязь в природе и обществе (*координационная связь*), а другой реализует причинно-следственный характер определенных процессов (*субординационная связь*). Оба типа связей, даже реализуясь одновременно, ставят тот же памятник в различное положение. Эти типы связей между разными объектами (в нашем случае – памятниками) представлены на рис. 3. Рассмотрим оба случая.

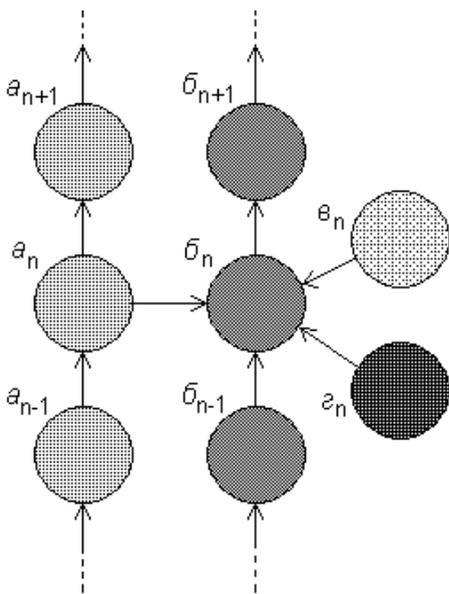

Рис. 3. Объект культурного наследия в системе культурно-исторических последовательностей

Конкретный памятник b_n находится в некотором ряду B , который характеризует его место в определенной логической последовательности. Эта последовательность отражает закономерности движения того или иного направления развития данного явления культуры, воплощенного в последовательный ряд материальных объектов, находящихся в определенной причинно-следственной связи. Конечно, здесь представлена простая однолинейная схема. На самом деле это цепь сложная и разветвленная, но принцип ее строения остается тем же. В указанном ряду данная конкретная материальная структура выступает как *памятник культуры* – применительно к культуре определенного исторического периода вообще и кон-

кретной отрасли культуры в частности.

Но одновременно с указанной логической последовательностью существует бесконечный ряд иных объектов ($a, b, c \dots$), отражающих закономерности развития других явлений культуры в их причинно-следственных связях, находящихся в других рядах ($A, B, G \dots$). Вполне понятно, что достаточно часто эти явления тем или иным образом связаны между собой и лишь в своей совокупности и взаимодействии составляют культуру как целостное явление. Так, упомянутое явление b_n последовательности B вполне может быть тем или иным образом синхронно (а порой и диахронно) связанным с явлениями a_n, b_n, c_n последовательностей A, B, G и так далее. Связи между указанными явлениями, создающие всю целостность, в конечном счете тоже имеют закономерный и причинно-следственный характер.

Но конкретная связь между конкретными явлениями различных причинно-следственных последовательностей уже носит достаточно случайный характер. И конкретный памятник (в данном случае b_n) может быть (а может и не быть) памятником и относительно того или иного явления в последовательности A , в частности, явления a_n . Однако вследствие необязательности это отношение уже имеет факультативный, случайный характер. И понятно, что данный памятник, даже если соответствующая связь существует, нельзя рассматривать как характеризующий культурный процесс именно последовательности A , хотя он, безусловно, касается исторического процесса, в котором последний конкретно реализуется (т. е. с учетом конкретного характера взаимодействия различных явлений). В этом случае выделенный объект должен рассматриваться как *памятник истории*.

Говорим мы о памятнике культуры или о памятнике истории, следует учитывать, что для нас в упомянутые выше отношения он никогда не вступает как некая телесная реальность. Он вступает в них *через* эту реальность в своих определенных функциях, которые оказываются следствием взаимосвязи с другими предметами или явлениями. Именно этот момент должен учитываться, когда памятник истории и культуры выступает, скажем, в качестве музейного экспоната.

Итак, конкретно касаясь артефакта, признанного памятником (объектом культурно-исторического наследия), прежде всего следует иметь в виду, что он может выступать в виде памятника культуры – с одной стороны, и памятника истории – с другой. Конечно, чаще всего подразумевается отражение в данном материальном образовании определенных процессов, происходивших в данной области материальной культуры. То есть преобладающей стороной здесь, безусловно, является «ипостась» памят-

ника культуры. Однако это не означает, что данный объект не может выступать также и как памятник истории. Если, например, иметь в виду памятник техники, то следует учитывать, что техника сама по себе является достаточно сложным явлением, и ее развитие имело место во многих тем или иным образом взаимодействующих руслах. А ее общее развитие происходило в историческом контексте, который предусматривает взаимодействие с другими общественными явлениями, свидетельство которого также может иметь вид материального объекта. Поэтому первичное деление на памятники культуры и памятники истории имеет определенный смысл по всем объектам историко-культурного наследия⁶⁰.

Следует отметить, что во всех рассмотренных случаях мы любой памятник брали как некоторую целостность с определенной внешней функцией. Однако каждый из них имеет собственную внутреннюю структуру, а его функции могут также определенным образом дифференцироваться. Полная функциональная структура объекта историко-культурного наследия представлена на схеме (рис. 4). Кстати, в связи с этим обстоятельством для более

Рис. 4. Функциональная структура объекта культурного наследия

⁶⁰ Гриффен Л.О. Пам'ятка техніки як феномен історії і культури // Праці Центру пам'яткознавства. – К, 2008, вип. 14. – С. 40-52.

полного охвата объектов, которые интересуют памятниковедение, следовало бы ввести, как это и показано на схеме, еще одно подразделение, куда отнести объекты, по сути дела не имеющие даже относительно самостоятельного значения касаясь исторических и культурных процессов прошлого и должны рассматриваться лишь как элементы определенного целостного образования, именно в своей целостности и являющегося объектом культурного наследия, и дальше воспринимаемого уже именно в этом качестве, т. е. как единый памятник истории и культуры.

Возьмем для иллюстрации изложенного выше любой конкретный объект, признанный памятником истории и культуры. Скажем, за такой мы приняли казацкую саблю⁶¹. Какая и о чем «память» в ней «заложена»? Прежде всего, сабля – это вид оружия. Как оружие она является результатом определенной эволюции этого вида материальных объектов. Но и сама эта эволюция имеет две стороны.

Во-первых, это сторона функциональная (в данном случае – военная). Ее материал, форма и т. п. явились следствием длительного отбора среди различных форм холодного оружия с учетом как выполнения своего основного назначения (именно холодного оружия) при определенных условиях, так и дополнительных моментов, не относящихся к непосредственному использованию. Для воина (казака) это предмет, с которым связано выполнение его основной функции – взаимодействия с неприятелем. Как таковой, он должен отличаться вполне определенными боевыми характеристиками. Но в других случаях это предмет, который важно более или менее постоянно иметь при себе. И в этом качестве он также должен отвечать ряду условий (относительное удобство в повседневной жизни, эстетические качества, безопасность и т. п.). Кроме того, это своеобразный способ самоутверждения и коммуникации (в частности, идентификации владельца по общественному положению, зажиточности, предпочтениям, вкусам и тому подобному).

Во-вторых, это моменты технические – сабли как определенного продукта производства (изделия). Сами ее функциональные свойства (форма, прочность и т. п.) зависят от материала, из которого она изготовлена, а также от технологии изготовления (что также связано между собой). И материал, и технология – звенья уже в совершенно иной культурной цепи, которая, будучи тесно связанной с первой (развитие оружия как такового), все же в своем развитии достаточно самостоятельна.

⁶¹Тоїчкін Д.В. Козацька шабля XVII-XVIII ст.: історично-зброєзнавче дослідження. – К., 2007.

Сабля – это определенный вид оружия, появившийся в определенных исторических условиях. Поэтому она связана с этими условиями и является, таким образом, их памятником. И с этой точки зрения нас интересует не любая сабля, а наиболее типичная, в которой отчетливо «зафиксирован» именно этот тип оружия. Это – памятник культуры.

Таким образом, как памятник культуры данный предмет может рассматриваться с двух сторон. С одной стороны – как функционирующий объект, что является следствием определенной эволюции в ряду аналогичных объектов, в своей основной (в данном случае – в качестве холодного оружия), а также вспомогательных и сопутствующих функциях. С другой же – как некое материальное образование, предмет материальной культуры своего времени, имеющий характерные определенные структурные характеристики (тип, форма, размеры, стрела изгиба, материал и т. п.), а также определенный набор характерных элементов (вид лезвия, долы, заточка, крестовина, эфес, ножны, украшения и т. п.), определенным образом организованных в единое целое.

Совсем иначе обстоит дело, если данная конкретная сабля была задействована в историческом событии или принадлежала выдающемуся историческому лицу. Тогда ее типичность имеет для нас второстепенное значение; важна ее подлинность именно в указанном отношении, в ее отношении к истории (историческим событиям и их участникам).

Как памятник истории она может быть связана с определенным событием, выступая либо как его действенный фактор (вооружение своего времени, использование в конкретной битве), или как свидетель (современник). Другой момент – связь с теми или иными персоналиями или по роду их деятельности (изобретение, изготовление, использование в основной сфере), или просто как некий факт биографии конкретного человека (подарок, предмет коллекции, любимая вещь и т. п.).

Соответственно и в музее тот или иной предмет (в нашем случае – казачья сабля) в зависимости от контекста может использоваться по-разному, неся посетителю разную информацию, а также имея различные семантическую и аксиологическую нагрузки. А значит, каждый из вышперечисленных моментов может стать определяющим в конкретном случае, например, для включения данного объекта (казачьей сабли) в различные по содержанию и направленности музейные экспозиции.

Еще раз подчеркнем, что сказанное касается любого объекта, признанного памятником истории и культуры. Например, это могли бы быть часы, которые, выполняя свою техническую функцию, были также результатом и этапом развития соответствующей области материальной

культуры, и так или иначе включенными в определенный исторический процесс и связанными с теми или иными персонами.

Таким образом, объект, который своим телесным бытием в чем-то воспроизводит определенный исторический этап развития общества, является его памятником. Вместе с тем, будем ли мы считать данный объект памятником истории или памятником культуры, зависит не столько от самого объекта, сколько от того *контекста*, в котором он нами рассматривается. Памятник культуры является определенным звеном развития той или иной области человеческой культуры «самой по себе», подчиняющийся, прежде всего, внутренним законам развития данной области. Это объект, рассматриваемый в контексте имманентных закономерностей, характерных именно для развития данной области (областей) материальной культуры. Если же данный объект через свое функциональное назначение попадает в другую область культуры, для которой он – лишь средство (относительно той же сабли можно иметь в виду, скажем, ее роль детали костюма, либо средства самоутверждения, или произведения художественно-декоративного искусства и т. п.), он уже значительно менее является закономерным звеном развития последней. Если мы рассматриваем данный объект в другом, не свойственном ему именно как данному объекту, аспекте, он для нас является памятником истории. Хотя это все тот же объект, который может выступать памятником как истории, так и культуры (или в том или ином конкретном случае только в какой-то определенной «ипостаси»).

Но поскольку, повторим, это зависит не столько от самого объекта, сколько от контекста, в котором он рассматривается, то и определять данный элемент историко-культурного наследия в целом следует как *феномен истории и культуры*. Только термин «памятники истории и культуры» адекватно отражает сущность объектов культурно-исторического наследия. Это понятие должно иметь именно такой – дуалистический – характер, поскольку, повторим опять же, сами по себе объекты, которые им обозначаются, принципиально имеют две, тесно взаимосвязанные, но принципиально разные «ипостаси», одна из которых (памятник культуры) отражает место данного артефакта в логически последовательной цепи развития конкретного направления культуры, а вторая – исторически обусловленную связь с другими (часто такими, которые не связаны с ними закономерными причинно-следственными связями) моментами социально-исторического процесса. Поэтому разделить памятники истории и культуры можно лишь с целью их анализа в этом качестве и чисто условно, и не столько по конкретным объектам, сколько в соответствии с их функциональными особенностями.

Именно такое определение объектов культурного наследия вообще, и памятников истории в частности, обеспечивает возможность адекватного теоретического анализа этого общественного явления. Этот момент имеет весьма существенное значение. Ведь если успешность памятникоохранной деятельности только косвенно зависит от точности терминологических определений, а в значительно большей степени – от наличной общественно-политической ситуации, то в теоретическом рассмотрении многих памятниковедческих проблем без четкого понимания сути объекта, в том числе и отраженной в научном его определении, положительных результатов достичь трудно.

Феномен памятников техники

Как мы видели выше, в качестве объектов культурного наследия в принципе могут рассматриваться любые артефакты, являющиеся результатом сознательной деятельности человека в прошлом, ибо все они отражают культуру общества на определенном этапе его исторического развития. Как уже отмечалось, глубинной целью такой деятельности является направленное на его сохранение и развитие взаимодействие общества со средой существования. Соответственно этому существенная часть материальных образований, созданных общественным человеком, предназначена для целей такого взаимодействия, т. е. представляет собой *технические устройства*, образующие техносферу общества, связывающую его с окружающей средой. Но поскольку общество взаимодействует со средой как некоторая целостность, для обеспечения последней общество также генерирует ряд материальных образований, предназначенных для обеспечения материальных и информационных связей своих составляющих.

С одной стороны последнее касается *знаков* – материальных образований, являющихся носителями передаваемой внутри общества информации. С другой же стороны также имеют место *технические устройства*, обеспечивающие циркуляцию материальных и информационных потоков внутри общества. Если не считать отходов производства, то этими двумя видами материальных объектов (техническими устройствами и знаками) полностью исчерпываются артефакты, могущие являться памятниками истории и культуры. Упомянувшийся выше К. Помиан все артефакты делил на два класса – утилитарные и «семиофоры», т. е. предметы «без пользы, но со значением». Технические устройства – это как раз и есть «утилитарные предметы» – искусственно созданные материальные объекты, расширяющие возможности человека в его взаимо-

действию с окружением (а «семиофоры», по-видимому, лучше все же именовать «знаками»). Соответственно и памятники техники как одной из важнейших социальных подсистем занимают чрезвычайно важное место среди объектов культурного наследия. Их же характер в значительной мере определяется особенностями техники как социального явления, в частности, особенностями ее эволюционных изменений. Выше мы уже касались этих вопросов, теперь рассмотрим их подробнее.

В процессе развития техники происходит постоянное изменение как комплекса технических устройств, так и технических представлений. Прежние представления, как и предыдущие устройства, заменяются новыми, обеспечивающими функционирование общества на новом этапе развития. Наступает новое динамическое равновесие, которое также непременно будет нарушено в процессе дальнейшего развития. При этом технические устройства, которые уже не могут адекватно обеспечивать функционирование общества, изымаются из обращения; уходят в прошлое и соответствующие им технические представления.

Что касается технических представлений, то есть идеальной части технической культуры общества, то они допускают логическое обобщение. Становясь частью внутренней логичной системы научно-технических знаний (в том числе и с учетом логики их развития), прошедшие представления не теряются, а становятся частью общей структуры знаний о путях развития техники, входят в новые технические представления в «снятом» виде.

Иначе обстоит дело относительно материальной составляющей технической культуры. Изменение элементов и всей системы материальных составляющих технической культуры общества происходит закономерно, поскольку и определенные технические объекты, и вся система в целом с изменением общественных условий перестают удовлетворительно выполнять ту общественную функцию, ради которой они были созданы. Такое изменение элементов, а в конечном счете и техносферы в целом, из-за ограниченности социальных ресурсов в конце концов всегда сопровождается обязательной элиминацией (физическим удалением) тех технических объектов, которые перестали отвечать общественным требованиям. А если они и сохраняются, то уже в качестве *памятников техники*.

Если назначение действующих технических устройств – выполнять свои утилитарные (технологические) функции, то социальное назначение таких объектов (даже если они по-прежнему в состоянии продолжать функционировать) в другом, в том, чтобы зримо и наглядно воплощать в себе техническую культуру своего времени. Она может быть распределе-

чена потомками и включена в общий контекст их представлений о той или иной минувшей эпохе. Благодаря этим материальным объектам техники обеспечивается реальная культурно-историческая связь времен. Как определенные «узловые точки» общей системы техники своего времени, они обеспечивают возможность установления логических связей, создающих целостную идеальную картину этой системы.

Как мы видели ранее, сказанное касается вообще всех памятников культурно-исторического характера. Особая же роль памятников техники, прежде всего, техники промышленной, среди других их видов заключается в том, что они относятся к сфере непосредственного взаимодействия общества с окружающей средой. Пренная техника ранее, как и современная теперь, обеспечивала эту основную жизненную функцию общества, что и определяет ее особое значение. Все другие сферы общественной жизни по сути только обслуживают этот главный процесс. К таким сферам относится *наука*, предназначенная для извлечения сведений об окружающей среде, обществе как развивающейся системе, и человеку как биологическом существе; *медицина, педагогика, рекреативная сфера*, направленные на формирование и поддержание существования индивида; *искусство* и другие области идеологии, предназначенные для его социализации и т.д.

Итак, памятники былой техники помогают ее воспроизвести сегодня. Именно это обычно и считается определяющей их функцией. Однако в действительности, как мы пытались показать выше, наиболее важной функцией памятников техники, как и любых других, является установление эмоциональных связей индивида с прошлым, а следовательно, также и с социумом как целым в его историческом развитии. Таким образом, памятником техники можно считать только такой материальный объект, который, будучи элементом совокупности технических устройств своего (уже ушедшего) времени с определенными технологическими функциями, сегодня им фактически уже не является. А является он носителем информации (прежде всего аксиологической) относительно создавшего его общества.

Конечно, сказанное касается любых памятников. Однако техника имеет свои общественные функции, причем эти функции существенно зависят от общественного назначения тех или иных видов техники. Соответственно не только памятники техники как целое можно выделить в особую группу, но и внутри этой группы существуют определенные основания для выделения отдельных локальных групп. Представляется очевидным, что такое выделение должно базироваться именно на разли-

ции общественных функций. Т.е. в этом смысле классификация памятников техники может быть непосредственно привязана к имманентной структуре самой техники как определенного целостного явления.

Прежде всего, часть технических устройств в совокупности представляют собой определенный комплекс, составляющие основу для непосредственного взаимодействия общества (через индивидов) с окружающей средой – предметы потребления. Фактически они и есть все то, что с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей необходимо человеку. Однако со временем структура техники усложнялась, появлялись новые ее подразделения (рис. 5).

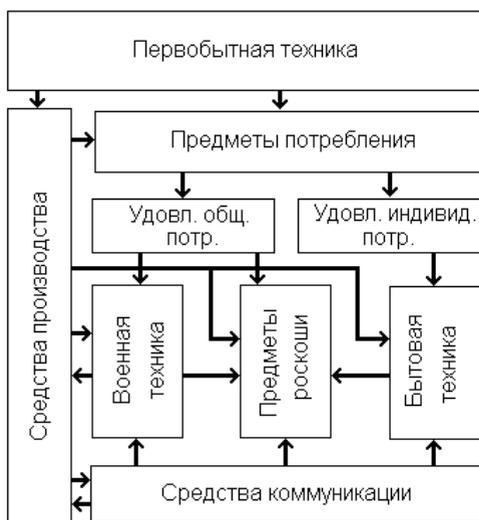

Рис. 5. Структура техники

Итак, первым подразделением техники, который мы можем выделить как самостоятельный его вид, является комплекс технических предметов, которые предназначены для использования в непосредственном взаимодействии общественного человека с окружающей средой для обеспечения его физического существования – *предметы потребления*.

В самом начале своего существования первобытный человек в основном находил нужные ему для потребления предметы в природе в готовом виде – так же, как и основную часть пищи. Но полностью удовлетворить его потребности это не могло. Поэтому часть предметов, необходимых для этого, человек создавал сам. Прежде всего, это касается обеспечения защиты от неблагоприятных воздействий внешней среды. Комфортные условия создаются почти исключительно с помощью различных технических устройств. Важнейшие из них – разного рода укрытия (жилье). Весьма важное значение для обеспечения комфортных условий существования (главным образом в умеренном и холодном климате) имеет одежда (а также обувь и т.п.) – «вторая (после жилья) линия обороны» по отношению к среде. Другие характерные примеры таких технических устройств – защитные сооружения, обогревающие устройства, средства гигиены и т.д.

Сначала для этих целей в большинстве случаев достаточно было воздействия на природные объекты с помощью собственных органов и других природных объектов, но с течением времени для этого все больше использовались специально изготовленные технические устройства (*орудия производства*). Однако выделение различных классов технических устройств – относительно позднее явление в развитии общества и является результатом этого развития. На первой стадии первобытного общества такого разделения не существовало: «При реконструкции быта палеолитической общины обращает на себя внимание то, что быт еще не выделился в самостоятельное явление, не отделился от производственной деятельности, слит с природным окружением»⁶². Поэтому первобытная техника имела синкретический характер.

Соответственно росту общественной необходимости в производстве, а значит и в его орудиях, последние все больше выделяются как особая область техники, и по мере развития общества это выделение происходит во все более широких масштабах, производственная деятельность становится отдельной и все более важной отраслью деятельности человека, орудия производства все больше и по функции, и по структуре отделяются от бытовых технических устройств и в целом получают свое собственное развитие как определенная техническая подсистема. Особое развитие средств производства, их разнообразное производственное назначение и соответствующие изменения структуры неизбежно вызывают их деление на ряд групп внутри данного вида техники. Поэтому классификация памятников средств производства также должна быть дальше развита в соответствии с их технологическими и структурными характеристиками.

Здесь возможны различные системы классификации. Разделение может быть:

- согласно последовательности переработки природного материала (области добывающая, обрабатывающая, машиностроительная, конкретных промышленных технологий и т.д.);
- по характеру участия человека (производство ручное, машинное автоматическое и т.д.);
- по виду переработки первичного материала (разделение; соединение; деформация; изменение состава);
- по уровню сложности и т.п.

Особое значение средств производства из-за влияния их уровня и характера на производственные отношения определяет важнейшие соци-

⁶² *Гладких М.И.* Историческая интерпретация позднего палеолита.... – С. 25.

альные процессы в общественном организме, в результате чего «средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁶³.

Таким образом, упомянутых два класса (вида) технических устройств прежде всего различаются по выполняемой общественной функции. Первый непосредственно направлен на взаимодействие человека со средой, второй – опосредованно, через создание предметов первого класса (вида), а также предметов других видов техники, существование которых также было вызвано потребностями общественного человека и представлено относительно прошлых времен определенными памятниками.

Это касается, например, военной техники (*оружия*), своим возникновением обязанный изменению структуры общественных отношений. В определенных условиях как окружающая среда для данного структурного общественного образования последним воспринимаются и другие социальные структуры. Сначала, когда в нем возникает необходимость, «никакой существенной разницы между формами охотничьего и "военного" оружия в эпоху палеолита еще не существовало»⁶⁴. Но со временем оружие полностью выделилось в особый вид техники и в дальнейшем развивалось именно в таком качестве.

Но данный вид техники, как и некоторые другие, уже определяются необходимостью взаимодействия не столько непосредственно с внешним окружением, сколько внутренними социальными процессами. Как уже отмечалось, техника имеет экстравертную составляющую, направленную на взаимодействие с окружающей средой, и интравертную, обеспечивающую внутренне социальное взаимодействие. Именно последним видом техники, в отличие от охотничьих орудий, и есть оружие.

Но это не единственный вид интравертной техники. С распадом родового строя, возникновением социального неравенства появляется еще один вид техники, отражающий это обстоятельство и подчеркивающий социальное строение – *предметы роскоши*. Следует, однако, отметить, что если первоначально предметы роскоши действительно включали некоторые особые технические устройства, отличающие представителей господствующей социальной группы (например, опашало или портшез), то в дальнейшем в качестве таковых стали использоваться устройства, по своим функциональным характеристикам входящие в другие виды техники, но отличающиеся некоторыми особенностями, за счет которых они

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Изд. 2-е. – М., 1960-1980. – С. 191.

⁶⁴ Аникович М.В. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. - С. 296.

также выполняли роль предметов роскоши (в качестве примера могут служить любимые сегодня нуворишами наручные часы «Ролекс»).

Чрезвычайно важным и существенным для общества видом интравертной техники является *техника коммуникационная*. Ряд технических устройств предназначен для обслуживания соответствующих информационных потоков внутри общества, обеспечивающих информационное взаимодействие между элементами общества – *техника связи*. Не менее важным является обеспечение внутриобщественных материальных (вещественных и энергетических) потоков – *транспортная техника*.

Состав техники менялся с развитием общества. Очевидно, что эти изменения не иссякли, и со временем структура техники может существенно измениться. Неизменным, однако, останется то, что технику как специфическое социальное явление породили становление и развитие общества как определенного «сверхорганизма», и понять ее сущность, ее структуру и функции можно только анализируя характер развития общества как системы. И наоборот: именно памятники техники прошлых времен в значительной мере отражают в себе породившее их общество, а значит именно они могут способствовать постижению этого общества, дать нам возможность почувствовать свое историческое родство с ним, воспринять себя как закономерный элемент исторического процесса общественного развития.

Знаки – материальные объекты культурного наследия

Чтобы между составляющими общества могли циркулировать информационные потоки, должны использоваться их определенные материальные носители. В ряде случаев речь может идти о *сигналах*. Сигнал представляет собой «физический процесс или явление, несущие сообщение о каком-либо событии, состоянии объекта, либо передающие команды управления, оповещения и т. д. ... Информация, содержащаяся в сообщении, обычно представляется изменением одного или нескольких параметров сигнала... Сигналы могут преобразовываться (без изменения несомой ими информации) из одного вида в другой»⁶⁵. Для сохранения информации при таком преобразовании (перекодировании) достаточно, чтобы процесс в различных материальных носителях сохранял инвариантность. В этих случаях тот или иной материальный объект, в котором осуществляется указанный процесс, является просто *техническим устройством* связи.

⁶⁵ БСЭ, т. 23, 3-е изд. – М., 1976. – С. 346-347.

Но в некоторых других случаях сообщение заключено в самой структуре данного материального объекта, и при его перекодировании (т. е. передаче другому носителю с иной материальной структурой) происходит определенная потеря информации. Здесь мы имеем дело со *знаком*. Для передачи знака также могут использоваться различные материальные носители, но в конечном счете знак должен восприниматься нами непременно в своем *исходном виде*. Поэтому если в случае с сигналом материальным объектом культурного наследия может быть как бы *внешнее* по отношению к информации техническое устройство, то знак является таковым *сам по себе* (т.е. как определенная материальная структура *совместно* с заключенной в ней информацией). А потому если речь идет об объекте культурного наследия, то последний имеет как бы «двухслойную» структуру, поскольку содержит не только такую же информацию (в том числе аксиологическую) о прошлом обществе, как и любой другой памятник истории и культуры, но и ту, которая изначально закодирована в нем как в знаке.

Памятники-знаки многообразны и разнообразны. К ним относятся, например, многие так называемые недвижимые памятники истории и культуры. Многие знаки, относящихся к историко-культурному наследию, представляют собой памятники движимые. Все они представляют собой определенные материальные образования, созданные обществом в качестве носителей информации. Они и являются предметом нашего рассмотрения. Отметим, однако, что мы здесь не рассматриваем такой важный класс памятников, как памятники письменные – по их главной информационно-функциональной функции. Основная и специфическая информация, которую они в себе содержат, относится к так называемому «нематериальному наследию» и требует специального рассмотрения, что в данном случае не входит в нашу задачу. А что касается таких памятников именно как материальных образований, то их целесообразно включить в другие соответствующие категории объектов культурного наследия. Так, например, в некоторых аспектах они могут рассматриваться как определенные технические устройства (например, для фиксации информации) со своими специфическими функциями, как особый вид произведений прикладного искусства и т.д.

Вопросами, связанными со знаками и знаковыми системами, занимается семиотика⁶⁶. Она опирается на понятие знака как материально-идеального образования, представляющего нечто (в его отсутствие), имеющего целью передачу определенного содержания и выполняющего

⁶⁶ Шрейдер Ю.А. Семиотика. БСЭ, т. 23. – М., 1976. – С. 236-237.

роль посредника в культуре. Именно с этой целью люди используют множество различных знаков. Существующая сегодня в семиотике классификация знаков восходит к Ч. С. Пирсу⁶⁷. С точки зрения последнего знаки в общем виде подразделяются на три вида: 1) *иконический знак*, основанный на сходстве обозначающего и обозначаемого, 2) *знак-индекс*, в котором то, что обозначается, и то, что обозначает, связаны между собой расположением во времени и/или пространстве, 3) *знак-символ*, в котором обозначаемое и обозначающее связаны между собой в рамках определенной конвенции (т. е. как бы по предварительной договоренности) – независимо от того, существует ли обозначаемый объект на самом деле. И каждый из видов знаков при определенных условиях, приобретая при этом дополнительное значение, может стать памятником истории и культуры.

Кроме собственно знаков знаковые характеристики могут иметь разные объекты культурного наследия. Но прежде всего это касается тех из них, которые мы воспринимаем в качестве памятников истории. Как мы видели, памятники культуры любого вида, будучи закономерным звеном в цепи *определенной* культурной последовательности, в свое время благодаря своим структурным характеристикам выполняли связанную с этой ролью функцию, и этой функцией определяются (что и придает им сегодня статус памятника данной конкретной области культуры). С памятником истории все обстоит иначе. Его роль может играть не только *любой* предмет, связанный тем или иным образом с историческим событием или личностью, но и материальное образование, специально для этой роли предназначенное. Если все другие виды памятников в определенном смысле прежде всего представляют, так сказать, самих себя через собственные структурно-функциональные характеристики, то задача памятников истории – представить что-то, что может быть и не имеет непосредственной связи с характеристиками самого данного материального образования. Если речь идет о тех или иных исторических событиях, то материальная структура того объекта, который ее представляет для нас в качестве памятника истории, не имеет жесткой причинно-следственной связи с самим событием; важно только их сосуществование (а желательно и взаимодействие) во времени и пространстве. То же самое можно сказать и об объектах, связанных с историческими лицами.

С этой точки зрения памятники истории – это материальные объекты, связанные с определенными процессами, имеющие исторически значимый характер. А значит, когда мы говорим о памятниках истории, мы

⁶⁷ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М., 2000.

их роль как памятников связываем не с самими артефактами как таковыми (т.е. определенными материальными образованиями, которые характеризуются определенными структурными особенностями), но с определенными прошлыми (преимущественно для них «внешними») процессами. В известном смысле они играют роль своеобразных знаков определенных исторических событий в качестве своеобразных *знаков-индексов*.

Как памятники истории эти объекты можно условно разделить на два подразделения. Относительно первого речь может идти о тех из них, которые может и не детерминировали, но хотя бы в определенной степени вызвали данные процессы или сыграли в их протекании ту или иную, более или менее существенную роль; объекты же второго подразделения были только материальными «свидетелями» протекания этих процессов. Сказанное касается также объектов, связанных с определенными персоналиями, то есть тех, что играли важную роль каких-то активных факторов в функционировании последних как исторических личностей, или были только определенным образом с ними связаны (непосредственно или косвенно). Таким образом, материальные образования, не являющиеся упомянутыми активными факторами, для нас выступают в качестве памятников не сами по себе, а будучи связанными по месту и времени с прошлыми объектами, а следовательно, выступают как знаки-индексы тех или иных объектов, с ними не тождественных.

А вот произведения изобразительного, а в известной мере и прикладного искусства – художественные произведения – непосредственно относятся к тем памятникам, которые были созданы обществом именно для выполнения функций знаков (в частности, *иконических знаков*). Правда, в отношении произведений прикладного искусства надо отметить, что исполнение знаковой (эстетической) функции «накладывается» на их техническую функцию. В частности, это касается произведений архитектуры во всех ее разновидностях. Но касается это также бытовых и других объектов, которые кроме технической выполняют также эстетическую функцию. Что же касается произведений «чисто» художественных, в частности, произведений изобразительного искусства, то для них функция знака является определяющей. И среди различных памятников прошлых времен художественные произведения занимают значительное место.

Но что касается последних, возникает определенная коллизия относительно одного и того же объекта в его функциях художественного произведения с одной стороны, и памятника истории и культуры – с другой. По сути дела объекты такого рода, если они выступают перед нами именно как художественные произведения, нельзя назвать памятниками

истории и культуры в узком смысле этого слова. Это проявление человеческого духа, не ограниченное никакими историко-культурными рамками, то есть это – *сама культура* в ее материальной фиксации. Наскальная живопись первобытных художников, античные скульптуры, произведения мастеров эпохи Возрождения, картины импрессионистов так же ценны с эстетической точки зрения сегодня, как были ценными в свое время, и в художественном отношении выполняют те же функции, что и прежде, поскольку все они воплощают высший взлет творческой потенции их авторов, их глубинную человеческую сущность. Поэтому такого рода объекты культуры имеют общечеловеческую, в определенном смысле внеисторическую и внекультурную (применительно к конкретным культурам) сущность. Как нестареющие, они не могут быть «выключенными» из своей основной (с точки зрения их назначения при создании) общественной функции (что, как мы неоднократно отмечали, является существенным для материального объекта историко-культурного наследия), а значит, *в этом смысле* не могут быть определены как памятники истории и культуры.

Но только в этом смысле. Ведь «общечеловеческая» и «внеисторическая» сущность произведений воплощена существенно по-разному в зависимости от конкретных условий, в которых реализовался духовный потенциал их создателей, а потому находит отражение в различных формах. В художественных произведениях как памятниках, кроме обычного для любых знаков двойного слоя смыслов (непосредственно самого знака и того, что им обозначается), имеет место отражение современного ему социума – то, что и характерно для памятников истории и культуры. Таким образом, художественное произведение изобразительного искусства в этом качестве кроме определенных «иконических» образов и переданной через них «общечеловеческой» личности художника отражает еще и соответствующую эпоху в развитии общества (история) и определенные этапы и течения в развитии искусства (культура), благодаря чему тут вообще только и можно говорить о *памятниках* культуры. Для иллюстрации достаточно сравнить художественную галерею, где обычно современные произведения изобразительного искусства выступают в своем основном качестве, и художественный музей, где присутствуют оба момента, характерные как для художественного произведения как такового, так и для него как памятника прошлых времен.

Попутно отметим, что сказанное о художественных произведениях может быть отнесено как к движимым, так и к тем недвижимым памятникам, каковыми являются произведения монументального искусства,

где кроме качества собственно художественного произведения в большей или меньшей степени являются еще и элементами ландшафта и инженерных сооружений.

Упомянем еще об одном специфическом виде знаков как движимых памятников. Это знаки, используемые человеком со специальной целью самоутверждения. Такие знаки по своей основной функции служили для наглядного подчеркивания социального положения данного индивида. В зависимости от их происхождения они могут быть разделены на две группы: это *украшения*, которыми для представления своего положения индивид пользуется по собственной воле и, так сказать, за «собственные средства», и *отличия* (статусные знаки), которые с той же целью наглядного представления положения индивида в социуме предоставляются ему той или иной социальной группой.

Украшение в широком смысле этого слова означает гармоничное дополнение чего-либо с эстетической целью. В данном случае мы имеем несколько более узкое значение слова. Конечно, здесь также упомянутое «дополнение» имеет место, но главное заключается в том, что владение украшением, обычно имеющим как самостоятельную эстетическую ценность, так и «ценность» в утилитарном смысле, прежде всего представляет определенный социальный статус владельца. Такие украшения, «независимо от своего первоначального генезиса, или с самого начала, или со временем стали назначаться для того, чтобы вызвать у других благоприятные для украшенного лица эмоции – эстетические, эротические, удивления, уважения, страха и т. п.»⁶⁸. Главное же здесь то, что после разложения родового строя и с развитием классового общества, в котором статус личности в значительной степени зависел от ее материального достатка, украшения, выполнявшиеся квалифицированными мастерами из драгоценных материалов (т.е. являвшиеся компактным вместилищем значительного количества абстрактного труда), сами по себе имели значительную стоимость, наглядно (в том числе именно за счет компактности и возможности легкого обозрения в целом) демонстрируя этот статус и давая возможность рассчитывать на соответствующее общественное отношение.

Но не менее (а иногда и более) эффективно цели самоутверждения достигались в том случае, когда такое зримое отличие оказывала индивиду сама та или иная (прежде всего, референтная) социальная группа – непосредственно или в лице ее признанных представителей. Официально отличия (статусные знаки) служат для обозначения определенных заслуг

⁶⁸ *Украшение*. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890—1907).

или достижений (награды), а также этических характеристик, квалификации и других социально значимых качеств личности. Отличия бывают чрезвычайно разнообразными – от «шубы с барского плеча» и до медали нобелевского лауреата. Вообще-то практически любой вещи можно придать статус награды. Чаще в качестве памятников истории и культуры выступают специально предназначенные для этой цели технические (и художественные) образования – ордена, медали, значки, кубки, вымпелы и т.д., а также достаточно ценные сами по себе вещи повседневного обихода, орудия, оружие и многое другое.

Разумеется, каждый знак как материальное образование, специально предназначенное для выполнения этой роли, при определенных условиях может стать памятником истории и культуры. При этом он, кроме того значения, носителем которого он изначально является, приобретает еще одно, дополнительное значение как носитель информации о создавшем его обществе. Но особенно в этом отношении следует выделить *знаки-символы*.

Соответствующие артефакты, с одной стороны, выделяются среди семиотической категории знаков-символов (в которые, согласно упоминавшейся выше классификации, попадает значительное количество различных знаков), а с другой – выходят за рамки семиотического определения одного из видов знаков. Они становятся символами в широком смысле, который сформировался задолго до возникновения семиотики как науки, и соответственно требуют своего определения в этом качестве. Учитывая важность, распространенность, а также достаточную сложность явления, ему давалось весьма значительное количество определений.

Достаточно широкий обзор определений понятия символа предоставил А. Лосев⁶⁹. В этих определениях множество нюансов, отличающих их друг от друга, но в целом все же возможно их определенное (хотя и несколько упрощенное) обобщение. Оно показывает, что сначала символ представлялся как образное воплощение абстрактной идеи, которая не имеет собственного предметного образа, то есть это «чувственное представление, с помощью которого само по себе не чувственное, а абстрактное представление (мнение) становится доступным созерцанию»⁷⁰. И в дальнейшем также при определении символа обычно подчеркивалось, что это «предмет или действие, служит знаком чего-либо абстрагирован-

⁶⁹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. – М., 1995.

⁷⁰ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания, т. 17. – СПб. (б. г.). – С. 382.

ного, какого-либо понятия»⁷¹. Хотя иногда все же этот термин понимали несколько более расширенно, как «условное обозначение какого-либо явления или понятия»⁷².

В своем вербальном виде символ отличается от понятия тем, что последнее в пределе имеет однозначную дефиницию, а символ принципиально характеризуется многозначностью и многоплановостью. Вообще символические образы «имеют обобщающее значение. И это значение не рассудочное, а эмоциональное. Поэтому образы-символы нельзя грубо и прямолинейно "расшифровывать". Их надо уметь пережить, их символическое значение надо почувствовать»⁷³. Та же сложность и многозначность символа относится и к его наглядному, предметному воплощению, в частности, к памятникам-символам, которые, имея широкий ценностный спектр значений независимо от возможных функций памятников истории и культуры, выступают как эффективное коммуникационное средство интеграции индивидуальных представлений в общее смысловое культурное пространство. В качестве памятника истории и культуры знак-символ, уже по самой своей природе имеющий два плана (сам по себе как некое материальное образование, и то, что он представляет, то, что стоит за ним как знаком), став материальным памятником также приобретает еще и третий план. Последний образуется ценностной информацией об обществе, создавшем данный объект, и как раз и составляет то, что превращает данное материальное образование (знак) в памятник истории и культуры.

Знаки-символы в ряде случаев уже при их создании рассчитаны на роль памятника. Прежде всего, это касается тех памятников (монументов), которые создавались или для увековечения того или иного исторического факта (события, лица и т.п.), или для утверждения и пропаганды той или иной абстрактной идеи (а достаточно часто – того и другого одновременно). Памятники-символы, в образной форме символизирующие определенное событие или явление исторического или идеологического характера, отличаются значительным разнообразием, тем более, что разные их типы пересекаются, объединяются и переходят друг в друга. Как правило, памятники-символы кроме своего основного значения имеют также определенную идеологическую нагрузку, то есть кроме более или менее конкретного информационного наполнения выражают ту или иную абстрактную идею.

⁷¹ Ожегов М. Словарь русского языка. – М., 1949. – С. 757.

⁷² БСЭ, 2-е изд., т. 39. – М., 1956. – С. 53.

⁷³ Поспелов Г.Я. Теория литературы. – М., 1940. – С. 36.

Таким образом, памятники-символы являются специфическими, но весьма важными и информационно насыщенными объектами культурного наследия. Сегодня, однако, памятниковедческий статус памятников-символов нередко подвергается сомнению. Более того, иногда вообще утверждают, что «символы, облеченные зачастую в высокохудожественную форму, как правило, извращенно и лживо представляют историческое прошлое», а потому «должны четко различаться две разных категории памятников: подлинники – где форма есть содержание; символы – где содержание, как правило, противоречие формы»⁷⁴.

Памятные знаки

Столь радикальное неприятие памятников-символов в качестве «подлинников» (фактически исключая такие материальные образования как многие виды знаков из числа памятников), вызванное, по видимому, непониманием сущности знаков и их роли в жизни общества, все же является исключением. Тем не менее, достаточно часто при определении особенностей памятников истории проводят разграничение между ее «реальными» памятниками и памятниками-символами, прежде всего *памятными знаками*, как памятниками «первого» и «второго» сорта. *Памятными знаками* принято именовать такие материальные объекты, как «мемориальные доски, стелы, памятные камни и др., посвященные выдающимся историческим и государственным деятелям, деятелям науки, культуры и искусства, а также установленные для увековечения памятных и исторических событий»⁷⁵. В последнее время наметилась определенная тенденция не признавать за *памятными знаками* статуса «настоящих» памятников истории.

Эта тенденция выдается даже за определенное достижение в решении некоторых теоретических проблем в области памятниковедения. Считают, что «решению этих проблем будет способствовать четкое отделение указанных памятников в понятийно-терминологическом плане, выделение двух параллельно существующих групп объектов: а) памятников истории, б) памятных знаков»⁷⁶. «Речь идет о научной ценности памятника в первую очередь как исторического документа, источника

⁷⁴ Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха // Культурологические исследования в Сибири. – Вып. 1. – Омск, 1999.

⁷⁵ *Пам'ятні знаки*: альбом. – К., 1971. – С. 5.

⁷⁶ *Теоретичні та науково-методологічні засади підготовки статей про пам'ятки історії*. – С. 14.

исторически достоверной информации. В этом принципиальное отличие недвижимого памятника истории – свидетеля реальных событий и явлений от так называемых "памятников-символов" – скульптур, обелисков, мемориальных досок, надгробий и других объектов, созданных в честь определенного лица или события и установленных, как правило, значительно позже ... Подобная понятийная нечеткость, непонимание принципиального различия памятников истории от других видов историко-культурного наследия встречается и сейчас, что значительно снижает научное качество многих теоретических исследований, обесценивает результаты учета и паспортизации недвижимых памятников»⁷⁷.

«Итак, в отличие от памятников истории, что являются реальными свидетелями событий и синхронны с ними во времени, памятные знаки – это материальные объекты (скульптуры, мемориальные доски, памятники, камни и др.), создаваемые или используемые для увековечения исторических событий, персоналий и т. д. Те из них, которые имеют художественную ценность, являются одновременно памятниками монументального искусства»⁷⁸. При этом «место их расположения, как и общая форма, исторически недостоверны, поскольку установлены в более поздние времена с целью увековечения памяти об исторических событиях, явлениях, лицах и в той или иной степени включают элемент индивидуального творчества, т. е. субъективного видения автора»⁷⁹.

Безусловно, эти вопросы заслуживают научного рассмотрения. В том числе научному исследованию подлежит также специфика памятных знаков по сравнению с другими памятниками истории. Мы уже отмечали, что с научной (памятниковедческой) точки зрения роль «источника информации» не является «первоочередной» для памятника. Но кажется, что сегодня здесь основную роль играет не столько научный, сколько конъюнктурный момент, связанный с проблемой памятников советского («тоталитарного») времени, значительная часть которых должна быть отнесена именно к памятным знакам: «Понимание принципиальной разницы содержания этих понятий имеет важное значение для решения проблем, связанных со сношением или перенесением памятников, установленных в честь отдельных исторических событий и деятелей, которые приобрели в последнее время чрезвычайную актуальность. Понятно, что пробуждение нового общественного сознания в постсоветских и постсо-

⁷⁷ Там же. – С. 13.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. – С. 15.

циалистических странах вошло в острое противоречие с идеологической аурой пространственной среды, сформированной во времена тоталитаризма и перенасыщенности коммунистической символикой, которая приобрела одиозное для значительной части населения содержание»⁸⁰.

Но памятники «времен тоталитаризма» являются не только «памятными знаками», но и полноценными памятниками нашей истории, хотя и в более широком смысле, чем это касается конкретных исторических событий. Они в целом отражают историю своего времени, что прежде всего объективно ценно для последующих поколений – независимо от нынешней «идеологической ауры» (которая тоже определенным образом исторически отражается именно в их уничтожении). Но и сегодня их «одиозное для значительной части населения содержание» – не основание для такого уничтожения, ибо для видимо еще более значительной его части «коммунистическая символика» – это свидетели нашего славного прошлого.

Поскольку уничтожение того, что хранит память о советском периоде нашей истории, приобрело сейчас массовый характер, для оправдания этого варварства появился и соответствующий «заказ» на его теоретическое обоснование. Явно или неявно надеются, что «решению этих проблем будет способствовать четкое отделение указанных памятников в понятийно-терминологическом плане, выделение двух параллельно существующих групп объектов: а) памятников истории, б) памятных знаков»⁸¹. Конечно, это не значит, что ученые, занимающиеся этой проблемой, обязательно грешат против своей научной совести. В свое время исследователи, которых сегодня небезосновательно упрекают в чрезмерной идеологизации, все же не были подряд конъюнктурщиками. Сейчас это тоже не так. Однако все та же идеологизация в области общественных наук, приобретающая сегодня размах, куда более широкий, чем в советские времена, не может не сказываться даже на вполне добросовестных современных исследователях. Упомянутая тенденция и является следствием – в большинстве случаев неявным – нынешних идеологических установок.

Однако с точки зрения памятниковедения как науки памятные знаки, как и вообще «памятники истории следует рассматривать не как средство прославления или поругания событий и отдельных персоналий, т.е. в зависимости от идеологических приоритетов. Они являются, прежде всего,

⁸⁰ Там же. – С. 14-15.

⁸¹ Там же. – С. 14.

материализованной памятью, объективными историческими первоисточниками, которые следует изучать и использовать в общественной практике как важный опыт предыдущих поколений. Памятники нельзя игнорировать, исправлять или удалять в зависимости от политической конъюнктуры, интересов и идеологии различных социальных групп»⁸².

Что же касается собственно памятных знаков, то в теоретическом плане вопрос должен ставиться четко: является или нет памятный знак объектом культурного наследия? Особенно если он не соответствует критериям для произведений монументального искусства или архитектуры (как отвечает им, скажем, храм Василия Блаженного в Москве, также в свое время возведенный как памятный знак в ознаменование победы над Казанским ханством). С нашей точки зрения ответ здесь может быть только положительной – он, безусловно, должен считаться памятником истории (конечно, при учете других критериев памятников).

Памятный знак в отношении конкретного события или лица как и любой памятник истории также является памятником координационного характера, но в отличие от «настоящих» памятников истории имеет не синхронный, а диахронный характер. Однако, будучи установленным в более поздние времена, он содержит в себе два смысловых пласта, т.е. отражает не только само событие, но и активное отношение к нему общества. Прежде всего последнее выражает автор данного произведения. При этом «субъективное видение автора» несомненно несет в себе также информацию о его времени (как, впрочем, и о нем самом) – время установки данного памятного знака, который вполне может иметь (и часто имеет) собственную ценность как отражение определенного общества или определенных его слоев в историческом разрезе – именно во времена его установки, являясь, таким образом, с этой точки зрения вообще полностью «законным» памятником истории (на данном этапе последней).

Каменная скифская баба – памятник не только археологии, но и истории независимо от того, с какой целью ее установили те, кто создал. А, например, колонна Траяна была установлена в честь его победы над даками, чтобы отобразить определенное общественное отношение к этому выдающемуся для своего времени событию, именно как памятный знак. А кого (кроме разве историков, и то не всех) сейчас волнует это событие само по себе? Но вряд ли это может быть основанием для исключения данного объекта, безусловно являющегося подлинным артефактом своего времени, из

⁸² Денисенко Г.Г. Воєнна історія України в контексті дослідження і збереження культурної спадщини. – К., 2011. – С. 13.

числа памятников истории, хотя установлена колонна как памятный знак, естественно, позднее, чем указанное событие произошло, т.е. она не синхронна, а диахронна ему. Однако даже сама синхронность или диахронность памятника имеет относительный характер – относительно промежутков времени между событием и установкой памятного знака в его честь, с одной стороны, и этим моментом и настоящим – с другой, что относительно приведенного примера особенно выразительно. То же самое можно сказать о Триумфальной арке в Париже, возведенной в честь наполеоновских побед (для которой, действительно, «местоположение, как и общая форма, исторически недостоверны»), что вряд ли снижает ее ценность как памятника истории), как и о многих других объектах такого же рода. Это не так отчетливо представлено в памятных знаках более позднего происхождения, но принципиально ситуация не отличается – безусловно, с учетом хронологических критериев для памятников вообще.

Но хронологический критерий – вещь весьма относительная. Дело даже не в самой физической протяженности временного промежутка, а в общественных функциях, которые «возлагаются» на данный артефакт. Как уже отмечалось, у любого человеческого творения с течением времени его первоначальная утилитарная функция в большей или меньшей степени постепенно обесценивается, вытесняясь функцией аутентичного свидетеля прошлых времен. Это касается и памятного знака, который с течением времени из средства прославления того или иного события или личности превращается в памятник, и не только (и преимущественно даже не главным образом) данного события или личности, а все больше – своего исторического периода. А время в данном случае имеет нелинейный характер, завися не столько от конкретных физических измерений, сколько от его социально-исторического наполнения. Что, между прочим, в значительной мере касается последнего периода с очень существенными историческими и общественно-экономическими трансформациями.

Ну и, кстати, если памятные знаки «исключить» из числа «настоящих» памятников, то все наиболее многочисленные памятники – памятники некрополистические – вообще теряют статус памятников истории (за исключением останков самих погребенных, «поскольку непосредственно памятником истории в этом случае является лишь остатки умерших»⁸³; вот только непонятно, какую «историческую информацию» в

⁸³ Піскова Е.М., Федорова Л.Д. Сучасна класифікація пам'яток історії. – Пам'ятки історії та культури: Каталог-довідник. Зошит І. Пам'ятки історії та культури України: дослідження та збереження. – К., 2005. – С. 156.

подавляющем большинстве случаев можно от них получить – если согласиться, что действительно «первым по своему значению является, безусловно, критерий исторической ценности содержащейся в указанных памятниках информации»⁸⁴. Но даже в Законе «Об охране культурного наследия» захоронения входят в состав памятников истории, и пока против этого никто не возражал. А отделять захоронение («настоящие памятники истории») от некрополистического комплекса («надгробий») вряд ли целесообразно, поскольку и само захоронение ведь фактически связано не с деятельностью выдающегося человека, а уже лишь с последующей оценкой – обществом в целом или той или иной его социальной группой. Этот момент наглядно показывает неправомерность противопоставления памятного знака (в данном случае «надгробия») «настоящему» памятнику истории (в данном случае – захоронению). Ведь, скажем, при перезахоронении и само захоронение в принципе имеет не синхронный, а уже сугубо диахронный характер; характерный пример – Тарасова гора. Но и касаясь захоронений вообще их синхронность – за исключением собственно останков – применительно к деятельности выдающейся личности, строго говоря, по самой своей природе всегда относительна.

Итак, повторим: даже независимо от исторического события или фигуры, послуживших причиной (или поводом?) возведения памятного знака, последний создавался в зависимости и в связи с определенными социально-историческими условиями своего времени, которые он прежде всего отражает, уже хотя бы таким образом безусловно являя собой памятник истории – при всей важности (и необходимости) учета специфических особенностей этого типа памятников. Поэтому исключение памятных знаков из числа памятников истории (а значит, вообще из числа объектов культурного наследия) является некорректным и в теоретическом (то есть не соответствует истинной сути памятников истории и культуры), и в практическом (т.е. наносит вред сохранению нашего культурного наследия) отношениях.

Конечно, мемориальные памятники в изложенном выше понимании являются лишь одним из видов памятников истории. Как уже было сказано, роль памятника истории при определенных обстоятельствах может играть любой объект культурного наследия. Мемориальные же памятники лишь представляют собой их специфический вид, в котором знаковый характер данный объект приобретает не только за счет прежнего своего существования по месту и времени с тем, что он символизирует, но и по-

⁸⁴ Там же. – С. 158.

тому, что специально предназначался для выполнения именно такой функции еще в то время, когда был создан. Соответствующий характер имеют также другие памятники истории, еще с момента их создания предназначавшиеся для выполнения определенной символической функции. К такого рода памятникам относятся еще два их важных и достаточно широко распространенных вида – памятники *сакральные* (культовые), предназначавшиеся для символического представления высших (божественных) сил, и памятники *некрополистические*, как правило, воплощавшие индивидуальную память в отношении определенных конкретных лиц.

Общие принципы классификации памятников

Итак, как следует из вышеизложенного, памятниковедение как научная дисциплина своим *объектом* имеет историко-культурное наследие, а *предметом* – общественное функционирование исторических артефактов в качестве памятников истории и культуры. При этом основной общественной функцией объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является содействие социализации индивида, в частности, определению им своих социально-исторических координат в многомерном пространстве общественной жизни, установлению связей с «корнями» путем его «погружения» в прошлое посредством влияния ценностной информации, которую несет аутентичный артефакт.

Выполнять эти свои социальные функции памятники истории и культуры могут лишь в общей системе материальных объектов культурного наследия и с учетом широкого исторического контекста. Ни один памятник, как и любой другой объект, не может адекватно восприниматься как нечто изолированное, а только с учетом «места в системе связей с другими памятниками, с которыми он взаимодействует, творит подлинную среду»⁸⁵. Эта система включает множество разнообразных объектов, что с точки зрения их теоретического анализа и практического использования требуют определенного упорядочения, в том числе соответствующей *научной классификации*.

Мы уже обращались к разделению объектов историко-культурного наследия (хотя в основном по отношению к так называемым недвижимым памятникам), в том числе и имеющему место в законодательстве. Как правило, это разделение уже достаточно давно осуществляется по видам памятников – но не как особых объектов собственно памятнико-

⁸⁵ *Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика.* – К., 2007. – С. 51.

ведения, а как объектов, входивших в ту или иную область материального воплощения культуры своего времени, что не может полностью удовлетворить потребности памятниковедения как особой науки. Потому проблема классификации материальных объектов историко-культурного наследия неизменно вызывала интерес специалистов и памятниковедения, и других так или иначе связанных с ним научных дисциплин⁸⁶. Анализ существующих взглядов на данный предмет, как и их развития, имеют существенное значение для адекватного решения этой научной проблемы. Однако такой анализ представляет отдельную задачу, которая еще ждет своего решения. Отметим только, что в основном классификация объектов культурного наследия, невзирая на имеющиеся в этом отношении непоследовательности, главным образом опирается на типологические особенности *самих* соответствующих материальных образований, в определенных условиях *становящихся* памятниками истории и культуры. Не охватывая проблему целиком, в данной работе мы задались ограниченной целью – представить точку зрения на классификацию памятников истории и культуры, вытекающую из вышеизложенных общих соображений относительно общественных функций материальных образований *именно в их специфической роли объектов историко-культурного наследия*.

Классификация объектов историко-культурного наследия возможна различным образом в зависимости от ее целей. Например, как уж отмечалось, сами по себе как определенные материальные объекты, созданные обществом, – артефакты – могут быть распределены по утилитарной функции, предназначенной для них в свое время создавшим их обществом. Однако как памятники истории и культуры такие объекты прежде всего подлежат различению согласно своим специфическим особенностям именно в этом качестве.

Результат попытки представить структуру объектов историко-культурного наследия именно как памятников истории и культуры в виде определенной целостной системы изображен на приведенной схеме (рис. 5). Требование рассмотрения памятников истории и культуры в целост-

⁸⁶ См., напр.: *Боярский П.В.* Введение в памятниковедение. – М., 1990; *Дьячков А.Н.* Памятники в системе предметов мира культуры // *Памятник и современность: Вопросы освоения историко-культурного наследия*. – М., 1987; *Піскова Е.М., Федорова Л.Д.* Сучасна класифікація пам'яток історії // *Пам'ятки історії та культури України: Каталог-довідник. Зошит 1*. – К., 2005; *Заремба С.З.* Українське пам'яткознавство: історія, теорія, сучасність. – К., 1995; *Івакін Г., Титова О.* Критерії класифікації та поцінування пам'яток археології // *Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика*. – К., 2007 и многие другие.

ной системе историко-культурного наследия касается любых объектов последнего. Но оно имеет отличный характер для различных типов памятников в зависимости от того, насколько тесно и каким образом данный конкретный памятник связан с другими.

Рис. 5. Классификация памятников истории и культуры

Преимущественно конкретные памятники истории и культуры входят в общую систему с другими памятниками, как и вообще с другими материальными объектами, главным образом за счет *функциональных* связей. В таком случае (особенно при относительной слабости упомянутых связей) памятник можно рассматривать как *относительно самостоятельное* материальное образование. Однако в ряде случаев эта связь имеет не только функциональный, но и достаточно выраженный *структурный* характер. Тогда данный памятник при изолированном рассмотрении существенно снижает свою информативность за счет потери тех связей, которые делают его частью определенного целостного комплекса, а значит, требует рассмотрения именно *в составе данного комплекса* элементов. Согласно этому принято различать памятники *движимые* и *недвижимые*.

Недвижимый памятник обычно бывает довольно громоздким, а часто даже в буквальном смысле слова «недвижимым». Однако не это об-

стоятельство является решающим для выделения недвижимых памятников в отдельную большую группу. Главное здесь – в тех структурных (а в определенных случаях и функциональных) связях, которые данный памятник имеет со своим окружением, *существенным образом* влияющих на его восприятие. То есть его восприятие является комплексным, в определенной степени похожим на восприятие музейного предмета в составе экспозиции. Но экспозиция носит искусственный характер – в том смысле, что она создана в наше время и специально с целью комплексного представления памятников. А недвижимый памятник именно в качестве памятника имеет со своим окружением *органические* (историко-культурные) связи, несущие, как и он сам, существенную информацию, которую не стоит терять.

Что касается «вписывания» отдельного памятника в определенное окружение, то здесь на первый план выходит окружение естественное. В этом случае о таком органическом сочетании можно говорить как о *ландшафте* (а если иметь ввиду мемориальный характер объекта, то о *достопримечательном месте*). Характер ландшафта в значительной степени определяется тем, насколько в его происхождении участвовало общество. Природный ландшафт предполагает минимальное вмешательство в него человека. Если это вмешательство достаточно значительно, таково, что существенно изменяет его характер, то имеются основания определить такой ландшафт как *антропогенный*. Сюда же, очевидно, следует отнести и специальные произведения садово-парковой архитектуры. И, наконец, если в ландшафте человеческие творения занимают особое, главенствующее, определяющее место, главным образом когда речь идет о доминировании в нем признаков производственной деятельности, говорят об индустриальном ландшафте. Вообще же можно выстроить чисто эмпирический ряд ландшафтов вдоль ландшафтообразующего фактора «деятельность человека». Этот ряд будет выглядеть примерно так: природные ландшафты - природно-антропогенные ландшафты - антропогенные ландшафты - антропогенно-техногенные ландшафты - техногенно-антропогенные ландшафты - техногенные ландшафты⁸⁷.

Если в создании целостной системы взаимосвязанных объектов основную роль играют артефакты – результаты деятельности человека, которые воспринимаются именно как целостная система, целесообразно говорить об определенном *комплексе* объектов-памятников (или их *ан-*

⁸⁷ *Основи пам'яткознавства* / Під заг. ред. Гріффена Л.О., Титової О.М.: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК. – К., 2012. – С. 53.

самбле). Будучи тем или иным образом соотносительно локализованными и зафиксированными в пространстве, они как целое также образуют своеобразный недвижимый памятник, который следует воспринимать именно в его целостности – независимо от собственных ценностных и других характеристик каждого элемента данного комплекса.

Однако и каждый памятник, который соответствующим образом (прежде всего на постоянной основе) связан со своим окружением, также должен восприниматься как отдельный источник информации и ценность историко-культурного характера. При этом не так уж редко имеет место ситуация, когда, несмотря на органическую связь с окружением, собственная значимость памятника, что выражается в его внутренних структурных связях, существенно превосходит значимость других элементов комплекса, а то и всего комплекса как целого. Обычно в этом случае речь идет об определенном инженерном (технического или знакового характера) сооружении, которое не только в комплексе, но и «само по себе» в значительной мере отвечает требованиям, предъявляемым к отдельному памятнику, вписанному в определенное окружение.

Во всех указанных типах недвижимых памятников они по своему функциональному назначению бывают достаточно разными. Так, ландшафт может иметь чисто мемориальный характер, будучи каким-то образом связанным с определенными историческими событиями (даже если о последних в данном месте не осталось никаких материальных свидетельств), о которых он и напоминает. Чаще всего это касается места, где происходило то или иное событие, что дает нам возможность четко локализовать его в пространстве. В восприятии такого ландшафта как памятника исторический тезаурус, комплекс исторических сведений, характеризующих данное историческое событие и связывающих его с данным ландшафтом, играют особо важную роль. Еще важнее, если здесь же сохранились определенные материальные свидетельства данного события.

Второй тип такого рода памятников имеет бытовой характер. Такие достопримечательности представляют повседневную жизнь тех или иных социальных групп. И, наконец, они могут иметь производственный характер, представляя результаты прошлой хозяйственной деятельности людей. В данных случаях (и некоторых других, например, военных) о конкретных памятниках можно говорить как об особых типах технических объектов.

И во всех типах недвижимых памятников, о которых говорилось выше, зафиксированы результаты деятельности прошлых поколений, направлявшейся на достижение прагматичных целей и не имевшей целью (во всяком случае, в качестве цели главной) создать именно соответ-

ствующий памятник для будущих поколений. Однако это, конечно, не означает, что такая цель вообще никогда не ставилась. Напротив, ряд сооружений (а в некоторых случаях и целых комплексов) возводились именно с этой целью. В таком случае мы имеем пересечение двух, так сказать, ветвей классификации, поскольку у некоторых сооружений того или иного прагматического назначения оказываются также функции знака. Хотя последний обычно в своем материальном бытии скорее является одним из видов памятников движимых, существует также немало сооружений, которые создавались почти исключительно для выполнения функции знака (главным образом для современников). Как правило, такие знаки относятся к разряду знаков-символов. Сегодня такие знаки прошлого воспринимаются нами в виде памятников-символов.

В завершение вопроса об общих соображениях касаясь классификации объектов культурного наследия еще раз обратим внимание на один существенный момент. Рассматривая предварительно особенности таких объектов, мы в некоторых случаях специально подчеркивали, что они являются результатом определенного переименования их различных видов более высокого «ранга». Однако в действительности такое «пересечение» значительно более распространено и имеет место едва ли не для большинства видов памятников истории и культуры, которые могут быть отнесены в зависимости от конкретных обстоятельств к различным видам этих объектов. Например, значительная часть материальных объектов одновременно выполняет общественные функции как технических устройств, так и знаков. Относительно самих знаков уже упоминалось, что, например, хотя они зачастую как определенные завершенные объекты представляют собой движимые памятники, нередко в качестве знака выступает сооружение, «вписанное» в соответствующее естественное и историческое окружение, представляя собой типичный недвижимый памятник. Сюда же можно отнести так называемую «технику на постаменте», где движимый памятник (техническое устройство того или иного назначения) становится частью сооружения – памятного знака, увековечивающего определенное историческое событие. Отчасти сказанное касается вообще всех памятников-символов. Также объекты в виде сооружений могут нести и функцию знака, и выполнять роль технического устройства. Широко распространено объединение в одном материальном образовании функций технического устройства и художественного произведения, а порой и инженерного сооружения.

Таких примеров можно привести множество. Подавляющее большинство этих перекрестных связей не обозначено на приведенной выше

схеме, поскольку они бы существенно ее усложнили и затемнили основные принципы классификации. Сложность и многосторонность связей внутри множества материальных объектов культурно-исторического наследия не отменяет, однако, теоретической необходимости и практической возможности четко отслеживать и определять классификационные признаки каждого памятника истории и культуры, его типологическое место в разнообразии указанных объектов.

* * *

Подытоживая изложенное, еще раз отметим: памятниковедение как научная дисциплина своим объектом имеет историко-культурное наследие, а предметом – общественное функционирование памятников истории и культуры, основное социальное назначение которых – содействие социализации индивида путем его «погружения» в прошлое через влияние аксиологической информации, которую несет аутентичный артефакт в определенном историческом контексте.

А чтобы артефакт стал памятником истории и культуры, он в принципе должен быть определенным образом изъят со своей утилитарной функции (т.е. непосредственных технологических функций по связи с окружающей средой, движения материальных потоков или передачи информации между элементами общества, для которых был предназначен последним). В этом случае на первый план как раз и выходит его способность отражения породившего его общества, что придает ему функцию информационного посредника между прошлым и настоящим. Или, иначе говоря, так он становится историческим источником или памятником истории и культуры – выполняя соответственно различную функцию в связи прошлого с современностью, и принадлежа в первом случае к ведению источниковедения, а во втором – памятниковедения.

Следовательно, при рассмотрении материальных образований как объектов культурного наследия должна учитываться «двойственность» информации, поскольку они и в данном случае безусловно остаются также носителями семантической информации, на которой основывается научное изучение прошлого, и поскольку эмоциональное восприятие последнего как генетического корня современности требует также соответствующего исторического тезауруса. Однако все же аксиологическая информация в ее конкретном материальном выражении является специфическим предметом памятниковедения, фактически конституируя его научный статус.

Это важно подчеркнуть, поскольку, как отмечалось выше, если вопрос касается памятниковедения, то хотя многими исследователями в

задачу получения информации о прошлом как нечто достаточно существенное добавляется задача определенного влияния на современников, однако, во-первых, такая задача ставится только рядом с познавательными целями, а нередко в определенном смысле и как второстепенная относительно последних, а во-вторых, характер этого влияния представляется довольно-таки нечетко. Но именно этот момент эмоционального воздействия как на отдельного индивидуума, так и на целые социальные группы и является особенностью данного феномена, ибо «в отличие от прочих объектов внешней среды памятник является носителем социально-культурных ценностей, воспроизводящим ценностные смыслы предметных отношений, формирующих личность»⁸⁸.

Поэтому вполне можно согласиться с выводом, что вообще в любое определение памятника должны входить принципы: «материальный объект» и «средство воздействия на эмоции»⁸⁹, поскольку именно памятники истории и культуры (в виде недвижимых памятников или через музеи) обеспечивают создание и «внедрение» ощущения духовного единства современников с прошлым – чтобы, по выражению известного музеолога Ф. Вайдахера, «помочь всем заинтересованным лучше понять себя и свое место в этом мире», представляя собой «проявление памяти, общей для всех людей»⁹⁰. Непосредственно же для памятниковедения как теоретической дисциплины «предметом теории является сама суть феномена наследия»⁹¹.

⁸⁸ Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово, 2001. – С. 31.

⁸⁹ Кулемзин А. М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха // Культурологические исследования в Сибири. – Вып. 1. – Омск, 1999.

⁹⁰ Вайдахер Ф. Музеология. – Львів, 2005. – С. 16, 118.

⁹¹ Шола Томислав. Предмет и особенности музеологии // Museum. – 1987. – № 153. – С. 51.